

Маргарита
ЮЖИНА

Двуликая
особа

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Маргарита Южина Двуликая особа

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161112

Южина М. Двуликая особа: Эксмо-Пресс; Москва; 2003

ISBN 5-699-03022-0

Аннотация

Среди троицы неразлучных подруг Шура Крушинская, учитель химии в вечерней школе, была самой невезучей и неустроенной. Ольга и ее муж – известные в городе финансисты. Валерия – с детства баловень судьбы, а с годами к полному достатку добавилась еще и любовь обаятельного мужа. Подруги пытались изменить Шуркину судьбу, подыскать хорошего жениха, но Шурку интересовала только школа, ее ученики и их проблемы. А уж когда Крушинская занялась делами Женьки Захарова, у которого от рук убийц погибли мать и сестра, объектом охоты преступников стала сама не в меру активная учительница. И жизнь Шуры стала невыносимой. Только вдруг, не без помощи частного детектива Сергея Котятича, влюбленного в Шуру, все в жизни трех подруг переменилось...

Маргарита Южина

Двуликая особа

Сын влетел в дом, точно ураган, кинулся к матери на кухню, бросая на ходу свое обычное приветствие:

– Жалуйтесь!

– Что у тебя за выходки! Все бы тебе хаханьки, а тут не знаешь, чем вас накормить. В магазине вон была, так цены...

– Стоп! У тебя, матушка, тот же синдром, тут помогут только Багамы.

– Да ну тебя! Га.

– Гавайи уже бессильны.

– Гале, говорю, соседке уже двести рублей должны, а ты все скалишься!

– Все, мать, понял, – Женька уже наливал себе в тарелку щи. – Молчу, сдаюсь, ты меня переговорила.

– Ладно тебе, ешь да беги в свою школу. И на черта она тебе сдалась, – бубнила себе под нос мать, – работаешь и работал бы, чего по этим классам шастать, не маленький уже.

– Мам, я сегодня поздно, у меня дела еще, – хватая куртку и выбегая в подъезд, крикнул высокорослый белокурый Женька.

«Непуть!» – раздраженно подумала мать.

Ирина Николаевна видела себя со стороны и злилась еще больше. В свои сорок два она превратилась в нудную злоб-

ную старуху, понимала это, но ничего не могла с собой поделать.

Раньше все было не так. Удачное замужество, двухкомнатная, а позже и трехкомнатная квартира в небольшом подмосковном городке Калининске, неприбыльная, но верная работа в городском роддоме, где она столько лет принимала ребятишек и где дважды лежала сама – сначала с Женей, а через два года с Танюшкой. У Леши зарплата была неплохая, он умудрялся и накормить, и прилично одеть семью. Особенно баловал детей, да и Ирина не знала ни в чем отказа. Купили «Волгу», небольшую дачку. Как мужу удавалось создавать финансовое благополучие, Ирина Николаевна особенно не допытывалась. Жили хорошо. Ирине было тридцать девять, Леше сорок два, когда в один момент рухнуло все. К ней пришли прямо на работу. По лицам мужчин Ирина видела – стряслось что-то ужасное, она слышала их, но мозг отказывался это понимать. Леши больше нет! Авария! Смерть мгновенная. Автомобиль ремонту не подлежит... Авария... Смерть мгновенная... Эти фразы молоточками стучали в голове дни и месяцы. Леши нет! Ничего нет! Кто-то что-то говорил, за ней ухаживали, ее в чем-то убеждали... Голоса... Голоса... Чужие лица... Палата... Туман, сплошной туман, провалы памяти, сознания...

Из одной беды ее вывела другая. Ирина Николаевна сидела в комнате и вязала нескончаемый свитер для Танюшки, когда вошел взволнованный Женька:

– Мама, что это? – у него на ладони лежали два шприца с остатками какой-то жидкости.

– Шприцы, – бездумно ответила мать.

– Мама! Это наркотики! Чьи они? Ты что, колешься? Это было в вашей комнате!

– Что ты несешь? Почему ты кричишь на меня?

– Мама! Да послушай же! У нас в доме наркота! Чья? Я не думаю, что это ты, значит – Таня?

Это было два года назад. Новая беда не позволяла Ирине уходить в себя. Танюшка стала наркоманкой. Милая, родная девочка. Потеря мужа стала для Ирины Николаевны огромным горем, она не хотела жить и не жила, но рядом с ней были ее дети. Женьке восемнадцать, Тане шестнадцать лет. Не каждый может вынести смерть отца и безумство матери. Женя выстоял, а дочка...

Вместе с сыном Ирина Николаевна пыталась бороться за Танюшку. Именно из-за дочери поменяла она свою уютную когда-то квартиру в Калининске на трехкомнатную в большом сибирском городе. Доплата ушла на Танюшкино лечение. Однако время шло, деньги таяли, таяла и дочь. Это была уже не та пухленькая хохотушка, которую так любили во дворе и баловали даже учителя. Худая, бледная, с синяками под глазами, Татьяна тенью слонялась по комнатам. Знакомые давали советы, адреса, рассказывали байки про сказочное лечение по каким-то мизерным ценам, но Ирина понимала: для настоящего исцеления дочери нужны большие деньги,

если вообще возможно избавиться от наркозависимости. Но больших денег у Захаровых не было. Женька работал и учился в вечерней школе, сама Ирина Николаевна устроилась в здешнюю поликлинику, и все-таки денег хватало только на еду, а чтобы скопить копейку...

И все же судьба дала Ирине шанс! Все решится во вторник. Теперь у них будет много денег. Грязно? Низко? А посмотрели бы на себя! У Захаровых появятся деньги, а значит, Танюшка будет здорова!

Отправив сына в вечернюю школу, Ирина Николаевна занялась ужином. Сегодня она стряпала пироги. Танюшка в последнее время ела почему-то только их. А под Женьку подстраиваться не надо, он вообще все ест.

Ирина Николаевна частенько задавала себе вопрос – почему сына, ее опору и давно уже основного работника в семье, она любит не так сильно, как дочь, которая превратила их жизнь в настоящий ад. Может, потому что была сама виновата перед Танюшкой? Почему дочери прощалось все, а в сыне все раздражало? Ведь понимала мать, что Женька прекрасный парень, тоже тянет жилы, чтобы сестру вылечить, да и вообще, куда они без него. Понимать понимала, но стоило сыну войти в дом, как мать чувствовала нарастающее раздражение. А может, это была усталость от всегдашней боли?

Звонок прозвенел неожиданно.

«Опять, наверное, забыл что-нибудь. Вот мозги дырявые! – подумала Ирина. – И когда это кончится!»

Открыв дверь, она демонстративно отвернулась и направилась в кухню.

Резкий толчок вызвал скорее удивление, чем боль. Боль пришла потом, когда Ирина Николаевна поняла, что это выстрел.

– Танюша... – то ли позвала, то ли попрощалась мать, тихо оседая на пол.

Жизнь Ирину Николаевну покидала медленно. Убийца был, видимо, неопытный, а может, так было надо, но мгновенного убийства не получилось. А ведь она спиной к нему стояла. А может, случится чудо и ей, еще не старой женщине, удастся выкарабкаться из этого кошмара. Или придет Женька, сынок... Он-то не оставит мать, он вытянет. Вот ведь, ни жить нормально, ни умереть...

Вот уже два года Александра работала в вечерней школе. Она преподавала никому не нужную химию и вела клубную работу. Ребята в школе, как ее уверяли, были крайне трудные, со сложной судьбой и тяжелыми жизненными условиями, поэтому моложавая энергичная директриса Галина Дмитриевна Амосова делала все, что хоть как-то сможет увести детей от болота наркотиков и пьянства. Вообще же, детьми этих людей от семнадцати до двадцати двух лет можно было называть лишь в письменных отчетах какому-нибудь начальству или при выклянчивании денег для школьных, то бишь детских, нужд.

Первое, что решила сделать Саша, это создать школьный журнал «Вечерок». Для более успешного продвижения дела Александра вытянула из директрисы компьютер и не ошиблась. К ней потянулись, волшебный экран стягивал в кабинет различнейшие слои школьного населения, а на стенде второй год вывешивался какой-нибудь очередной номер «Вечерка».

Сегодня в клубе перед ней сидели семеро самых отъявленных колючек, беззастенчиво именующих себя журналистами.

– И что же приготовили нам наши «акулы пера»? Света, что пойдет в развлекательной рубрике?

– Думаю, анекдотов штук пять пустить, – черкнула в тетради карандашом светловолосая девчушка, – только новенькие надо, я подобрала кое-что...

– У-у, пусть анекдоты лучше Михаил Алексеевич диктует, – почти в один голос взвыли начинающие писатели.

Михаил Алексеевич Дворнев вел у ребят труд, вернее, организовал при школе авторемонтную мастерскую, и любой желающий мог при необходимости заработать себе пусть небольшую, но живую копейку, хотя имелся в мастерской и постоянный штат из своих же вечерников, но уже более опытных и обученных ребят. Михаил Алексеевич возился с молодой порослью сутками напролет, прекрасно понимал и многое им прощал, за что и пользовался любовью всей вечерней школы.

– Ага, мало ему вашего автодела, вы еще и писать ста-

ты его заставляете. Не пойдет, – категорично заявила Александра. – Думайте сами.

Думали ребята долго, шумно, перебивая и подсмеиваясь друг над другом. Расходились уже довольно поздно. Сегодняшний вечер был похож на многие другие – глобального не совершили, но расходились довольные друг другом.

Впереди Александры мелькнула коричневая куртка.

– Женя, подожди! Слушай, я говорила с Галиной Дмитриевной, мы сможем отправить тебя на курсы диджеев. Помнишь, ты говорил, что у тебя получается с этим делом?

– С делом-то, Александра Михайловна, получится, со временем – нет. До четырех я на работе, потом школа, когда мне еще курсы?

– Но ты же так хотел, – удивилась учительница.

– Хотеть не вредно, да только мне деньги настоящие нужны, а не удовольствия. – Светлые вихры спадали на смеющиеся глаза парня, – спасибо вам за заботу, честно.

Попрощавшись, Женька легко сбежал по ступенькам. Но он бежал не домой. Несмотря на поздний час, он несся туда, где вечером загораются неоновые огни, где от фонарей становится празднично, а из каждого ресторанчика льется своя музыка. Он бежал в центр города. Это было не близко, но там он встретит *ЕЕ*, и за спиной росли крылья.

Медленная, тягучая мелодия, казалось, сама раздевает ее, цветные блики скользили по бронзовому оголенному те-

лу. Чувственно, со скрытой страстью, она освобождалась от остатков одежды. Рассыпая по груди золотую гриву волос, извивалась в эротическом танце королева стриптиза.

Музыка оборвалась на высокой ноте, затем заиграла снова, но уже другая красавица очаровывала зал. Даша забежала в раздевалку. Все! На сегодня все! Войдя в душевую кабину, девушка повыше заколола волосы и подставила лицо под прохладные струи. В этом ночном клубе Дарья Литвинова работала уже давно. Излишней тяги к своему ремеслу она не испытывала, но и стыдом себя не казнила. Работа как работа, зато платят прилично, а это главное.

Наскоро обтершись, Даша влезла в водолазку и стала натягивать джинсы. На сырые ноги узкие штаны налезали туго. Вбежали девчонки.

– Что, отпахала сегодня? Чего недовольная такая?

– Вот идиотство, говорю же, растолстела... – пыхла стриптизерша. – Димочка этот, чтоб он пропал! За каждым граммом следит, козой чернобыльской дразнит.

– А ты как хотела? Зачем ему на сцене ползающие кости, а по тебе анатомию можно изучать. Мужикам ведь не организм нужен, а живая трепетная плоть!

Даша наконец застегнула непослушные штаны, спрятала волосы под шапочку и накинула дубленку.

– Пока, обаяшки!

– Беги, беги, там тебя твой уже заждался. Да, Даша, в понедельник новую программу будем отрабатывать, не забудь,

Дима сказал.

Дима, Дима... Он распоряжается их временем, телами, даже имена придумал сам. Даша на работе была Дариной, Алла – Алисой, но больше всех «повезло» Тамарке, маленькой черноглазой хохлушке, она звалась Тарлеттой! Усмехаясь, Дарья-Дарина выскочила на улицу через невзрачную дверь черного хода. От дерева отделилась высокая фигура и метнулась наперерез девушке. Тут же Даша очутилась в крепких объятиях парня.

– Жень! Меня же от страха парализует!

– Ничего страшного, зато ты не сможешь танцевать перед этими сытыми рожам. А я тебя буду на инвалидной колясочке возить, заметь, вполне добровольно! – дурачился Женька.

– Жень, ну правда, пусти. Посмотри, вся дубленка вверх задралась. Хватит меня раздевать, моя работа на сегодня закончилась.

Он отпустил ее, поправил выбившиеся из-под шапочки пряди.

– Даш, брось ты эту работу. Давай распишемся и будем жить по-людски.

– Мы, по-моему, договаривались этой темы не касаться, – нахмурилась девушка. – Я, знаешь, не от роскошной жизни голыми ногами дрыгаю.

– И все же... Сейчас ты молодая, красивая, со стройной фигуркой, но... Это же не профессия! Что потом?

– А потом... – Даша мечтательно закатила глазки, – потом я выйду замуж за какую-нибудь сытую рожу и буду жить припеваючи.

– Дашенька, девочка, тебе в темноте плохо видно, но у меня тоже рожа не голодная.

– Это пока тебе мяса не показали.

– Зря ты так! На мясо я и правда давно не смотрел, но за свой фейс ручаюсь! – Женька болтал не умолкая, а Даша хохотала, забыв про усталость.

Дорога опять оказалась до ужаса короткой, а Женька готов был идти и идти. Возле подъезда остановились. Сейчас она легко бросит «пока», и он ее увидит только в школе, завтра вечером.

– Все, дошли. Пока? – девушка подошла к лифту.

Он притянул ее к себе. Глаза были так близко, что можно было разглядеть каждую ресничку. Близость пьянила. Даша решительно отстранилась.

– Нет, Жень, щупалки в подъезде – это не в нашем возрасте, согласись, – поднялась на ступеньку. – До встречи, отдыхай, завтра же выходные.

Ну вот! Значит, он ее увидит только через три дня и два вечера. Целая вечность! Придется «отдыхать», раз велено.

Однако отдохнуть Женьке Захарову не пришлось.

Около дома стоял милицейский «уазик», что-то неприятное шевельнулось внутри. Танька? Неужели что-нибудь с Танюхой? Дверь в квартиру была распахнута, несмотря на

позднее время, туда-сюда сновали какие-то люди, некоторые были в милицейской форме. Кто-то повис на руке, мешая пройти в комнату. Рядом оказалась сестра.

По распухшему лицу катились слезы, тушь грязными разводами растекалась по щекам, а из перекошенного рта только страшный шепот:

– Маму убили, что ты стоишь! Маму убили. Женька! Мамы нет, как мы теперь?

– Тихо, тихо... Танюха, как нет? – оттолкнув соседку, ворвался в квартиру.

Вот кухня, а в маленьком коридорчике лежала на полу, неловко согнувшись, самая близкая и родная... Лежала мать.

Люди в форме, в штатском что-то чертили мелом, негромко переговаривались, просили не мешать. Женька не мешал, он только поправил подол старенького материнного платья. Его отстранили, увели в комнату, стали задавать вопросы. Женька вроде как отвечал, но думал только об одном: «Мама, я же ненадолго ушел, что же могло произойти за это время?»

Целую неделю Александра работала на двух работах, и теперь ее ждали заслуженные выходные. Саша представила, как два дня будет упиваться вопиющим бездельем, и зашагала быстрее. В такие моменты она была даже рада, что в ее тридцатишестилетнем возрасте так и не появился тот любимый и единственный, который бы отважился на звание ее су-

пруга. Своих детей хотя и не было, зато с избытком хватало по долгу службы. Сегодняшний вечер обещал быть тихим и уютным. На столе лежала интереснейшая книжица, до которой всю неделю не доходили руки, осталось лишь забежать в павильончик и прикупить себе кое-чего на ужин, а уж потом Саша надеялась вкушать все прелести одиночества. Однако надежды тем и отличаются от действительности, что не торопятся сбываться. Подходя к подъезду, Александра увидела в своих окнах свет. Запасной ключ всегда был у соседки, поэтому друзья врвались к ней в квартиру как в присутствии хозяйки, так и в отсутствие оной. Правда, это были самые близкие друзья, но для нарушения тишины и покоя их было достаточно.

Едва переступив порог родной крепости, Саша захлебнулась таким терпким ароматом кофе, что было нетрудно догадаться – уютное одиночество переносится на потом.

– Ой, Санечка, привет! – Оля и Валерия восседали в маленькой кухоньке, обложив себя немислимыми кулинарными изделиями, которые притаскивали сами же. Запивалось все это безобразие «Черной картой».

– Ждем тебя уже сорок минут, хорошо хоть ключ у соседей взяли, – беззлобно ворчала Ольга.

– И все же, Оленька, не для нас же этот ключик оставляется, а вот, любопытно, для кого? – вопросительно вздернула брови Валерия и слизнула с пальчика крошечный кусочек конфеты.

– Для вас, родимые, для вас. Уйти вы все равно не уйдете, а разложитесь здесь на лестничной площадке и дальше разлагаться пойдете. Так и начинается сперва падение тела, а после и самой личности. – Александра уже переделалась в легкое домашнее платьице и с удовольствием плюхнулась на стул.

– Оставь наши тела в покое, им и так достаётся и днем и ночью, – Оля сладко потянулась. – Расскажи лучше, как там твои ребятушки-козлятушки поживают.

– Не высмотрела себе еще второгодничка лет под сорок?

– На кой мне нужны сорокалетние второгодники, когда там молодых полно, – Санька налила себе чашечку кофе и затагнулась Леркиной сигаретой с каким-то вычурным названием. В школе, при учениках, Александра не курила, лишь изредка позволяла себе сигаретку дома, под чашечку кофе. Кофе же любила страстно и понимала в нем толк. Более имущие приятельницы частенько баловали ее дорогостоящими баночками. Подруги учились когда-то в одном классе, да так после школы и продолжали дружить. Жизнь то сводила их, то разводила в разные стороны. Бывало, не виделись месяцами, но при первой же возможности собирались вместе. Сначала на кухне у Оли, и тогда ее муж Андрей занимался с маленькой Леночкой, а вот уже двенадцать лет, после того как Сашина мать, оставив дочери квартиру, переселилась к новому мужу, приятельницы перебрались в маленькую кухню Александры. Вальяжной походкой вошел огромный котяра

и стал тереться о ноги хозяйки.

– Шур, ты не суетись, Бакса мы покормили, – видя, как хозяйка достает рыбину коту, сообщила Валерия.

– На вас надейся! Небось сухого корма насыпали, а моему мальчику натуральные продукты требуются. А ну как схуднет.

– Да его скоро разорвет уже, ты его, как поросенка, откармливаешь!

– Коты должны быть объемными!

– Вот бы нам, девчонки, так – чем толще фигура, тем лучше смотришься, – Лерка с завистью вздохнула.

– Не жалуйся, ты и так смотришься недурно, двоих детей родила, а все как девочка.

– Слышали бы это мужики!

– А чего им слышать, у них что, глаз нет? Один Игорек уже столько лет сохнет. – Пухленькая Ольга не собиралась отказываться от гастрономических удовольствий и подкладывала себе очередной кусок черемухового торта.

– Видать, совсем высох, бедолага, забыли, когда и видели, – вздохнула Александра.

– Девочки, девочки, – закудаhtала Ольга. – Парень небось устроился на новую работу, гребет деньги лопатой, а заодно соблазняет очередное младое создание.

– Точно, – хихикнула Лерка. – Последней Игорехиной пассией, которая в психдиспансере работала, тоже едва шестнадцать минуло. Но с ней пообщаешься, и автоматиче-

ски становишься вечным клиентом заведения.

За окном мелодично засигналила иномарка.

– Лер, тебя! – Санька, взглянув в окно, замахала обеими руками вышедшему из машины холеному мужчине. Григорий, или Григ, как его звали подруги, муж Валерии, стоял у истоков развития частных банков в городе и теперь обладал солидным весом среди городских тузов и, естественно, серьезным капиталом.

Непроницаемая маска Грига на миг сменилась лучезарной улыбкой до ушей, из ледяного красавца он превратился в рубаху-парня.

– Валерия, срочно выходи, твоего мужа уже перекосило, – сообщила Ольга строгим голосом.

– Я передам ему, как ты печешься о его интересах. – Лерка встала, поправила дорогой костюм на точеной фигурке, задорно тряхнула головой, рассыпая по плечам блестящие темные волны, накинула короткую шубку.

Саша невольно залюбовалась королевской грацией подруги.

– Ну, ладно, Шурик, пока. Оль! Я ушла, до скорого! – уже сбегая по ступенькам, крикнула Валерия.

– Глядя на Лерку, я чувствую себя неудачницей, – возвращаясь к столу, буркнула Александра.

– Брось! Чего ты хочешь, Леркина судьба с пеленок расписана. Одного не пойму, как ее обеспеченные родители позволили своему чаду учиться в нашей простой совковой шко-

ле, а не за кордоном. А вот мужа выбрали себе под стать. Гриня, хоть богатством и не блистал, зато хватку имел, дай бог. Видишь, как с папенькиного трамплина сиганул! В такой-то оранжерее из тебя еще и не такая бы роза выросла.

Ольга со вкусом хозяйничала за столом у подруги. Время было уже позднее, но домой гостя пока не собиралась.

– За тобой Андрей приедет? – Санька всерьез обеспокоилась за подругу.

– Андрей, кто ж еще. Только ты мне лучше скажи, что у вас с Брутичем? Так ничего и не было?

Саша не спеша поставила чайник на плитку и зажгла газ. Она не знала, что сказать. Оля близко к сердцу принимала семейную неустроенность подруги, слишком серьезно воспринимала каждого нового поклонника Александры и до слез расстраивалась, когда мираж близкой свадьбы развеивался.

Работая в крупной промышленной компании главным бухгалтером, Ольга не могла оставить без внимания тот факт, что ее директор и один из соучредителей, мужчина холостой, порядочный, прекрасный отец, вполне мог бы связать свою судьбу с Саней.

Для начала Александра должна была по ее плану стать гувернанткой для трехлетней Ариши, а затем плавно перейти к статусу мамы для девочки и любимой жены для Льва Павловича Брутича. Ольга сделала все возможное, чтобы устроить подругу в дом босса, той оставалось только двигать со-

бытия, но вот уже год как Александра зациклилась на должности домашней учихи, упорно не желая перевоплощаться из Золушки в Принцессу.

– И что? – вопрошала Ольга.

– Ну что у меня с ним может быть? С Аришкой у нас все в порядке, ладим великолепно, а вот Лев Палыч...

– Чего ты дуришь-то, какой он тебе Палыч? Ему же всего тридцать два года, моложе нас! Левушка он, пойми.

– Поэтому и Лев Палыч, Олюшка, что молодой он для меня, пусть так Палычем и остается. Да и потом, если что-нибудь получится, не смогу я у него работать как прежде, а где мне еще такие деньжищи платить будут?

– Господи, вот убогая! Тебе надо, чтобы у вас не что-нибудь получилось, а брак, сиречь замужество, чтобы ты матерью его малышки стала! А лучше, чем у тебя, это все равно ни у кого не выйдет.

– Так просто стать женой! Вот ты своего Андрея любишь? Ты за него по страстной любви бежала, я же помню. Лерка своего Грига тоже выстрадала, когда рассказывала – редела. Вот и я, Оля, не могу стать просто женой, по твоей воле. И спасибо этому Левушке за то, что не хватает меня и не лапает!

– Размечталась! Да его с такими-то деньгами самого лапать надо, причем нежно и бережно, чтоб не спугнуть, потому как господин он тонкий.

– Оль, ну пусть я дура, а? Давай не будем о нем, лучше

позвони в наш кошачий клуб, узнай, когда там выставка экзотов.

– Черт с тобой, Шурка, я согласна, ты – дура, потому что в одиннадцать часов ни один клуб не работает.

Уже за полночь, так и не открыв книгу, ворочаясь в постели, Саша не могла понять – и что они видят в этом Брутиче. Только деньги? Нет уж, не жили богато, нечего и пыжиться.

В понедельник утром Александра выбежала из дома. С неба рвалась мелкая снежная крупа и больно царапала лицо. Пока добралась до дома Брутичей, нос стал напоминать баклажан, а колени в тоненьких колготках потеряли всякую чувствительность. Около нужного ей подъезда стояли четыре бабульки и о чем-то скорбно переговаривались. На Сашу бросали тяжелые, недобрые взгляды. «Надо же, девяти часов нет, а у них собрание в самом разгаре. И ведь непогода им нипочем». Старухи осуждающе проворчали что-то вслед. Саша поняла, что судачат про нее, но так толком ничего не разобрав, нажала кнопку лифта.

– Санахална! – кинулась к ней Аришка, едва открылась дверь.

– Не прижимайся ко мне, кроха, я холодная.

– Ты шнешная каяева? – не унималась воспитанница.

– Да нет, скорее, снежная баба.

– Ариша, дай Александре Михайловне спокойно раздеться, подожди ее у себя в комнате. – Лев Павлович говорил с

дочерью так же, как, наверное, со своими подчиненными, – спокойно, ровно, без эмоций.

– Александра Михайловна, вам сегодня с Аришей в бассейн, я пришлю вам Сергея Сергеевича, вы не против?

Еще бы она была против! Ей давно хотелось увидеть этот удивительный экземпляр, про которого Ольга прожужжала ей все уши, о ком грезила каждая третья сотрудница мощного коллектива фирмы «Кратер» и про чью верность и непоколебимость ходили легенды. Сергей Сергеевич являлся начальником охраны, поэтому Александра искренне удивилась:

– Нам с Аришей что-то угрожает?

– Да нет, что вы! Просто Сергей своих ребят в бассейне погонять хочет, ему все равно туда ехать, вот пусть и вас забросит.

– Санахална, надо авизать! – ребенок держал в ручонках широченный бант и массажную щетку.

– Ну что же, пойдём, принцесса, – непедагогично подхватила Александра девчущку на руки и уже в комнате услышала, как захлопнулась дверь за хозяином квартиры.

Сегодня они с Аришей проходили букву К, девочка осваивала азбуку успешно, не возникло трудностей и сейчас. Аринка уже в который раз сажала вырезанные буквы в паровозик, когда раздался звонок в дверь.

Саша вышла в прихожую и на мгновение остановилась у зеркала. Предательская белокурая прядь выпала из уложен-

ной конструкции, создавая на голове явно не модный вьющийся беспорядок. Звонок нетерпеливо вновь заиграл свою мелодию. Теперь уже кинулась в коридор и Аришка.

– Стой, Ариша! – строго поучала Саша, открывая замки. – Ты же не знаешь, кто там, а уже несешься открывать.

Почему ей казалось, что он будет в лягушачьей форме и стриженный под воздушный шар? У него была чудесная прическа, а из-под распахнутого пальто от дорогого, но строгого костюма на Сашу пахло приятным мужским парфюмом.

«Вот так порядочные охранники наряжаются в бассейн», – мелькнула неумная мысль. Сергей Сергеевич молча смотрел на маленькую девочку с сиреневым бантом и хрупкую раскрасневшуюся Сашу, глядевшую на него чуть испуганными глазами. Вероятно, пауза затянулась, потому что провожатый наклонился к уху гувернантки и произнес:

– Вы в бассейн не опоздаете?

Саша оскорбленно дернулась:

– Подождите нас у машины!

– Подожду, – улыбнулся, спускаясь, гроза грабителей «Кратера».

«Тоже мне! Каждый сторож будет из себя секс-символ изображать. И кого только на серьезную должность ставят!» Через несколько минут двуцветный «Шериот» мчал пловчих к искусственному водоему. Александра скупно отвечала на нескончаемые Аришкины вопросы, а Сергей вообще, ка-

залось, забыл, что рядом с ним кто-то сидит.

Однако на обратной дороге он вдруг затормозил, не доезжая до дома.

– Может, покатаемся немного или здесь постоим? – не поворачивая головы, бросил водитель. Аришка радостно завизжала.

– Это зачем же? – холодно поинтересовалась Александра. – В ваши обязанности, насколько мне известно, прогулки не входят.

– Похороны там, на третьем этаже, Аринке не надо бы смотреть.

– У кого на третьем? – прошелестела Саша.

– Лев говорил, у Захаровых.

– Боже мой, поедemте быстрее! Кто там?

– А я? – девчушка испуганно хлопала глазами.

– Ты? Да, да, Аришенька...

– Вы их знаете? – удивился Сергей, но, глянув в зеркало на побледневшую Александру, выжал сцепление.

– Мы будем в зале игровых автоматов, вы нас там найдете, – пояснил он, высаживая Сашу.

Конечно, на вынос она опоздала. В квартире тихо хозяйничали какие-то женщины в черном, расставляли тарелки на длинные столы. На телевизоре в траурной рамке стояла фотография Ирины Николаевны. Александра была здесь чужой и ненужной.

На лавочке возле подъезда сидели девчонки и ребята из

вечерней школы.

– Здравствуйте, Александра Михайловна, – хмуро, вразнобой приветствовали ее ученики.

– Что, с Женей никто не поехал?

– Поехали Дашка с Юлькой, Вовчик и Саня. Если что надо – помогут, а мы здесь.

– Что же все-таки произошло?

– Да ничего никто толком не знает.

– Ясно, что застрелили, а кто, за что, кому это надо?

– Чего тут думать, Танька у них на игле сидит, ее друганы, наверное.

– Ага! Эти друганы такой игрушки отродясь не видали, не по карману им. Там, говорят, такой убойник был – супер!

– И чего к Захаровым-то, брать у них все равно нечего, – размышляла молодежь.

– Ладно, ребята, милиция разберется, – Александра не знала, что говорят в таких случаях. – Следствие закончится, и все встанет на свои места.

– Какое там следствие!

– Ага! Поставят они на свои места – жди! – со всех сторон послышалось бормотание.

– Ну зачем вы так? Милиция свое дело знает, вы же смотрите телевизор, а там постоянно говорят, что процент раскрываемости растет.

– Александра Михайловна! Ну вы прямо как в пробирке живете! Раскрываемость! Вам только телепузиков смотреть.

– Севка! – толкнула парня Света Терскова.

– Ну что Севка, что Севка! – не унимался тот. – Вот сейчас менты все побросают и начнут в этом деле ковыряться! Вы сначала поинтересуйтесь кругозора ради, они вообще-то дело завели? Да они...

– Сева, – тихо, но решительно прервала его Александра, – я сама завтра схожу в милицию и узнаю, завели ли там дело, а тебе сообщу персонально. Я не думала, что в тебе столько желчи.

– О, весь класс почти в полном составе. – К ним приближался Михаил Алексеевич.

«Наверное, от лица Галины Дмитриевны», – мелькнула мысль у Саши. Вся школа знала о тайном романе трудовика и директрисы.

– А я от Галины Дмитриевны, сама не смогла вырваться, – печально доложилась учитель труда. – А что органы про этот случай говорят? Опять только руками размахивают, а результатов как всегда? Только над пьяными орлы. Ясно, дело табак.

Александре не хотелось воспитывать еще и учителя, она попросилась и отошла. «Вот ведь дрянь, знает, что у многих вечерников и так отношения с милицией натянутые, так еще масла в огонь... Дешевого авторитета добивается, вроде как свой в доску. Вот и работай с такими коллегами». Саша, в отличие от многих в школе, трудовика не жаловала. И сейчас, рассуждая о нем, сама не подозревала, до какой степени

была близка к истине.

Михаил Алексеевич Дворнев вырос в семье со средним достатком. Но всю сознательную жизнь его преследовала мечта о богатстве. Долгие годы он думал, как мечту воплотить в жизнь. Были какие-то попытки устроиться на хорошо оплачиваемую работу, но, во-первых, устроиться оказалось делом не самым легким, а во-вторых, и это главное, честным трудом, решил Дворнев, больших денег заработать практически невозможно. А потому будущий преподаватель решил поиметь деньги трудом нечестным. Раза два ему удалось чудом избежать уголовной кары – сестра отвела беду, но после этого Михаил на закон буром не лез. Он пошел другим путем. Квартиры! Первая досталась ему легко и практически даром. Будучи зрелым мужчиной, Дворнев уехал от родителей и снимал комнатку в крупногабаритных хоромах одного мужичка. Звали его Леонид Петрович. Когда-то неумный трудяга теперь остался один, работал сторожем на мясокомбинате, а помимо нищенской зарплаты промышлял сбытом наворованного. И жил бы неплохо, если бы не пагубная страсть к спиртному. Своему квартиранту Леонид Петрович скидывал оплату жилья за дорогие сердцу белоголовки. А однажды, за очередным возлиянием, хозяин пожаловался, что комбинат покупают какие-то состоятельные люди, порядки будут меняться, станет опасно воровать, а на что жить?

– Так, а ты на меня квартиру перепиши! – то ли в шут-

ку, то ли всерьез предложил квартирант. – Подумай сам, если тебя поймут со свиной лыткой, что тебе грозит? Грозит тебе срок и полная конфискация, конфисковать у тебя можно только квартиру, ты ж ее, дурень, приватизировал. А нет квартиры – нет проблем, чего с тебя взять, только разве с работы турнут, зато стены останутся.

Дворнев и не предполагал, что Леонид Петрович в этой неприкрытой брехне будет искать свое спасение. На следующее же утро Петрович потащил жильца по всем конторам, чтобы истинным и единственным владельцем двухкомнатной квартиры записали везде, где можно, Михаила Алексеевича. Когда бумажная волокита закончилась и наивный бывший хозяин добился, на свою голову, чего хотел, настало время Дворнева. Он, не скупясь, увеличивал дозы спиртного, а затем, когда спившегося сторожа поймали на очередной краже, не без звонка некоего доброжелателя, весьма быстро и грамотно обменял двухкомнатную крупногабаритку на комнату гостиничного типа. Дальнейшая судьба Леонида Петровича его не интересовала. Удачная сделка не вскружила голову расчетливому аферисту. Уже имея начальный капитал, Михаил стал глубоко изучать квартирный вопрос и вскоре выяснил, что целые толпы опустившихся, одиноких, больных людей владеют дорогостоящей недвижимостью. Тогда и занялся этим делом всерьез. И вник в это чуть раньше, чем вездесущие дельцы расплодили свои агентства. У него был собственный подход и каналы. Михаил Алексеевич не да-

вал многообещающих реклам, не зазывал клиентов, но любой приемщик стеклотары, продавцы самых захудалых ларьков, работники аптек, не говоря уже про всеми клятые домоуправления, несли ему информацию и вознаграждались по царски. Дворнев и сам теперь не смог бы сказать, скольких людей он лишил крова, сколькими пополнил ряды бомжей. У него уже было два помощника, отморозки, способные на все, больше он никого в свои дела не посвящал, хранил это в секрете.

В вечернюю школу трудовиком Михаил Алексеевич тоже пошел не ради любви к подросткам. Школа была хорошим прикрытием, копился, смешно сказать, рабочий стаж, а самое главное – здесь он сталкивался с людьми, чья судьба не была гладкой, а значит, открывались большие возможности для добытчика.

Сегодня, отзанимавшись с Аришкой положенное время и сдав ребенка в надежные руки Никитичны – неизменной няни, Александра решительно направилась в неприглядное кирпичное здание, именуемое обывателями милицией. Еще оставалось два с лишним часа до начала уроков, и она намеревалась разузнать, в каком состоянии находится дело Захаровой.

За стеклянной стеной, отгороженный от всех мирских грехов, сидел молодежавый упитанный дежурный.

– Девушка, вы к кому?

– Я к участковому, – холодно бросила Саша, но, вдруг сообразив, что даже не знает в какой кабинет ей податься, одарила парня улыбкой. – Подскажите мне, пожалуйста, на улице Кирова, 48, произошло убийство сорокадвухлетней женщины, Захарова ее фамилия, кто этим делом занимается?

– Кирова, 48? Это вам к Линчуку надо, его участок. Кабинет двести четыре. На второй этаж и направо по коридору, – равнодушно бросил бдительный страж.

Саша отыскала кабинет без труда. Около него на деревянных креслах, видимо, позаимствованных из разорившихся кинотеатров, восседало человек пять ожидающих. Шумно жаловались на новую жизнь две старушки, дурно пахнувший господин в фуфайке и детской вязаной шапочке доказывал прилично одетой даме, что деньги в наше время решают все, дама периодически подносила надушенный платочек к губам, закатывала глаза и выскивала деликатный предлог, чтобы отвязаться от назойливого собеседника. После сорокаминутного сидения в этой пестрой компании Александра уже знала, что у одной из старушек постоянно вытаскивают корреспонденцию из почтового ящика, словоохотливого пьянчужку выселил из «гостинки» собственный сын, даму с ароматизированными платочками систематически заливают соседи сверху, и, как ей кажется, вполне умышленно. И все они высиживали эту очередь в надежде на то, что справедливый участковый Линчук одним росчерком трехрублевой ручки решит их судьбоносные проблемы.

Сашу начинали раздражать все эти жалобщики. «Действительно, вот из-за таких почтовых ящиков да прорвавшегося крана и нет у того же Линчука времени на решение серьезных вопросов». Затем раздражение сменилось жалостью. Ну потащили они свои беды сюда, потому что здесь их обязаны выслушать по долгу службы, а по доброй воле никто ни помочь, ни выслушать не хочет. А может, и некому.

Саша Крушинская сидела у вожделенной двери уже полтора часа, но продвижения – никакого. Времени до уроков оставалось все меньше. Конечно, она уже понимала, что войти в этот кабинет сегодня ей вряд ли удастся, но, представив Женькины глаза, продолжала ждать. Через какое-то время дверь открылась, вышел посетитель, а за ним сухощавый мужчина, который и оказался Линчуком Аркадием Юрьевичем.

– Граждане, граждане! Не все сразу, – видя, как метнулась толпа, остановил он. – Елизавета Матвеевна, ваш вопрос с газетами уже решается, вам ждать не имеет... Звонцов! Я же к тебе позавчера сам приходил, и ты лично мне сказал, что забираешь заявление. Так, а у вас, гражданочка, какое дело ко мне?

Линчук обращался к Саше.

– Я к вам насчет убийства на Кирова, сорок восемь.

– Ой, матушки светы! Это же от нас через дорогу! – запричитала бабулька.

Линчуку лишние сплетни были ни к чему, и в следующую

минуту он приглашал Крушинскую в свой кабинет.

– Ну, так что у вас ко мне? – усевшись за стол, устало спросил Аркадий Юрьевич.

– Вчера хоронили мать моего ученика, женщину застрелили в ее же собственной квартире. Я, как классный руководитель, хотела бы узнать, какие меры вы предприняли для поисков убийцы?

– Женщина, если я не ошибаюсь, вы – учитель? Так вот, давайте заниматься каждый своим делом. Вы – учите детей, а я буду бороться с преступностью. Следствие продвигается не так быстро, как нам хочется, но и на месте не стоит. Поэтому не надо красть друг у друга время. У вас что-нибудь еще?

– Я надеюсь, вы завели дело?

– Мы завели все, что надо, а сейчас позовите следующего.

Саша прошла к двери и обернулась:

– Понимаете, ребята должны знать, что зло наказуемо, и не только в книжках, но и в нашей жизни. Уж простите, но я еще зайду к вам.

– До свидания.

Крушинская не могла видеть, как после ее ухода Аркадий Линчук со злостью отбросил ручку, выдернул из пачки «Далласа» сигарету и подошел к окну. Глядя на удаляющуюся фигурку, он щурил глаза от дыма и старался не слышать недовольного ропота за дверью кабинета. Он очень устал. Сегодня он перелопатил уйму материала, хотя нулевой результат предвидел заранее. Даже новичку ясно, что надо как следует

прощупать вечернюю школу, а уж Линчук новичком не был.

– О! Аркадий! Наконец-то добрался до тебя, – в дверях торчала круглая голова Павла Круглова – друга и сослуживца. – Слушай, давай чайку попьем, твои мучители в коридоре не сильно буйные? Потерпят? А куда вообще-то они денутся, да и делись бы... Аркаш, ты чего смотришь на меня букой?

– Проходи, Паш, не бойся, я на тебя смотрю нормально. Это я злой на работу свою дурацкую.

– Ну-у, нашел из-за чего кукситься! Ты сейчас по какому делу бегаешь, по захаровскому небось?

– По нему. И ведь знаю, куда бежать надо, но туда пробиться, как на секретный завод.

– Ты один, что ли, знаешь? Догадываются все, а доказать – хрен! – Пашка доставал из шкафа здоровенную кружку.

– Я ведь чуть не дорылся однажды, – кипятился Линчук. – Так директриса такую шумиху подняла! Даже по местному телевидению выступила, что-де незаслуженно клеймо ляпает, а ей после этого детей воспитывать совесть не позволяет. И через каждое слово презумпцию невиновности толкает: «Это не мы должны доказывать, что не виновны, а органы должны искать доказательства нашей вины!»

– Правильно, все теперь ученые.

– Так как же я докажу, когда меня на пушечный выстрел не подпускают! Мало того, дел навешали – чертову прорву, и все срочные! А ты бы ради смеха послушал эти срочные де-

да, то Ванька у Маньки бутылку спер, то наоборот. И необходимо отчет представить, что ты, товарищ Линчук, по данному криминалу наработал! Идиотизм!

– А ты чего рвешься? Тебе чего, больше всех надо? Копайся со своими Иван-да-Марьями, чего героя-то корчить?

– Да хреново это! Тут вот только что их учительница приходила... В общем, хреново, говорю же!

– Дурак ты, Аркаша, – продолжал со вкусом потягивать чаек Круглов. – Фильмов, что ли, посмотрелся? У нас, брат, не киностудия. Не помнишь, как Трофимов землю копытом рыл? Ну и где он сейчас? Создали все условия для увольнения по собственному. Так что, пока себе нормальную работенку не подыщешь, сиди и не возбуждайся. А как найдешь, так тебе никакая директриса не страшна.

Линчук, сцепив зубы, вынужден был признать, что Пашка не так уж и не прав.

Таньке Захаровой было плохо. Вот уже прошло две недели, как они с Женькой остались одни, и все это время ей приходилось изворачиваться, выкручиваться, чтобы достать деньги на косячок. У матери можно было выклянчить, как-то обмануть, но с братом такие номера не проходили. Он сам покупал продукты, что-то готовил на кухне, вместе с Танькой даже колготки ходил покупать, но деньги в руки не давал. Татьяна залезала в долги, но скоро ей перестали занимать. Добывать же сама деньги она не умела.

Хлопнула входная дверь. Женька вошел в комнату с пакетами, из которых торчали рыбы хвосты.

– Танюха! Ты когда шевелиться начнешь? Посмотри, на полу будто полк прошел, вон и гора посуды на кухне. Ты же не квартирантка, неужели самой приятно в грязи сидеть?

Татьяна молча побрела в ванную, хотела залезть под душ, но передумала. Просто включила воду и решила переждать, пока братец погоняет бурю.

– Тань! Ты не помнишь, сколько рыбу жарят? – похоже, пар Женька выпустил и принялся готовить ужин. – Ее сначала в муку бросить или сперва посолить?

– А не пошел бы ты... – Танька тихонько бурчала, лихорадочно соображая, как бы удрать. Она умылась, оглядела себя в зеркало и вышла на кухню: – Женья, я схожу к Алене, она себе диск новый купила, послушать звала.

– Нет, красавица, посиди дома.

– Ну, Жень, кончай из себя правильного корчить.

Женька переворачивал куски рыбы и странно улыбался. Но долго томить неизвестностью не мог. Сел, взял руки сестры в свои большие теплые ладони и, глядя прямо в глаза, сказал тихо и просто:

– Тань, давай лечиться, а?

– Давай, Женечка, тебе уже самое время, – быстро согласилась сестрица.

– Не дергайся, Танюха, ты же должна понимать, что пропадаешь. У меня ведь только ты осталась. Ты посмотри на се-

бя... – Женька демонстративно сунул ей зеркальце. На Таньку из зеркала смотрели огромные равнодушные глаза, бледное лицо обрамляли тусклые пряди. Ни былого румянца, ни юношеской свежести – серые, больные краски. Все это она и сама видела, но, выходя на люди, скрывала под плотным слоем макияжа.

Парень смотрел на сестру с сожалением:

– Ну что, нравится? Тебе это ни о чем не говорит?

– Это, Женечка, лишний раз говорит о том, что у женщины должна быть настоящая дорогая косметика, а не китайская «Кики».

– Да тебе хоть «Кики», хоть «каки»! – взорвался брат. – Куда ты ее накладывать будешь? На что? Вся истаскалась! С любым бичом готова в постель прыгнуть за копейку! Забыла, когда дома ночевала!

– А ты на меня не ори! Иди вон лучше у Дашки своей спроси, за какие она копейки к мужикам прыгает!

– Ты ее с собой не равняй. Дашка мальчишку одна растит!

– Ах! Героиня! Куда ж ей деться, родила, еще семнадцати не было, теперь растит, только неизвестно, одна или бригадным подрядом!

– Заткнись! – По Женькиному лицу пошли багровые пятна. Он рывком поднялся, подошел к окну и закурил. Некоторое время молчал, лишь сигарета дрожала в его пальцах.

– Мать для твоего лечения деньги копила... Я поговорил с нашим инспектором, он мне адрес дал... Говорит, знает

людей, которые лечились там, вроде помогло. Года два уже к игле не тянутся, семью завели, живут нормально. На работе даже не представляют, какими они были. Тебя сначала около двух месяцев лечить будут, а потом приходишь станешь – наблюдаться.

– Ты хочешь от меня избавиться?

– Да нет, Танюша, самой тебе не вылезти, а я помочь не умею... И чего ты боишься? Здесь у тебя ни друга толкового, ни подруги, все такие же загашенные. А там новые люди, парни, девчонки. Так, может, еще и с женихом приедешь. – Женька боялся замолчать. Он убеждал не только сестру, но и себя самого. Ему казалось, едва он закроет рот, как Татьяна одной фразой разобьет хрупкую надежду.

– Хорошо, братишка, давай все уточним и, если все так, начнем собираться на лечение. Пойдем звонить!

– Пойдем, ты оденься, накрасься, я подожду.

И Танька уселась перед зеркалом.

Даша Литвинова сидела в скверике. Это было очень славное место, даже в ветреные дни здесь было тихо и уютно. Прекрасная детская площадка привлекала мам с детишками из всех ближайших дворов. Даша с Кирюшей тоже частенько бывали здесь. На работу ей вечером, а сейчас она смотрела, как Кирюша складывает камушки в самосвал. Кузов у машины все время переворачивался, камни высыпались, но малыш упорно складывал их обратно.

– Надо же, какая встреча! – к ним направлялась Александра Михайловна с нарядной малышкой. Девочка тащила на веревке грузовик с ярко-зелеными колесами и поэтому сразу же завладела вниманием мальчика.

– Здравствуйте, Александра Михайловна. Это ваша такая?

– К сожалению, нет. Я ее ежедневно арендую, до четырех часов, а мне потом за это платят. Рекомендую: Арина Львовна Брутич.

– Сынок, – Даша присела рядом с малышами, – эту девочку зовут Ариша, скажи, как тебя зовут.

– Килюса, – с достоинством ответил маленький Литвинов и подошел к грузовику вплотную. Арина Львовна признаков беспокойства не подавала, поэтому мальчик начал загружать камнями и эту машину. Девочка присоединилась, и работа закипела.

– Сколько твоему? – села рядом с Дашей Александра.

– В сентябре исполнилось три.

– А Аришке три в августе было. – Александра мельком рассматривала ученицу. Совсем тоненькая, без косметики, с детскими пухлыми губами, в свои девятнадцать Даша не выглядела старше шестнадцати. «Однако сыну уже три. А еще говорят, что ведущая танцовщица в стриптиз-клубе! Кого же туда берут?»

– Даш, а почему ты не найдешь себе другую работу? Работала бы днем, а вечером была бы с сыном.

– А школа? – подняла брови молодая мать. Она посмотрела куда-то на верхушки деревьев. Конечно, нельзя сказать, что образование – это цель ее жизни, но она же неглупая! Понимает ведь, что еще пару-тройку лет ногами подрыгает – и в тираж, кому нужна старая стриптизерша, когда молоденькие стаями ходят. И куда потом? Какую газету ни возьми – даже грузчики требуются с высшим образованием и знанием компьютера. Вот и приходится Дарье усаживаться за ненавистную парту.

Саша же смотрела на эту совсем молоденькую маму и не переставала удивляться – надо же, живет с маленьким сыном в крохотной комнатенке у какой-то бабки, а между тем родители Литвиновой весьма обеспеченные люди. Они и сейчас в деловых кругах не последнюю скрипку играют, а вот дочь...

– А твоя мама вас не навещает?

– Зачем? – искренне удивилась Даша.

– Ну все же Кирюша первый внук.

– Он не первый, он единственный. Я одна у них. – Девушка потемнела лицом. – А на Кирилла им нечего смотреть, они и меня-то никогда не видели – то конференции, то заседания... А Кирюшку не внуком, а позором своим считают. Еще бы! Мать в тридцать четыре бабкой стала.

– В тридцать четыре! – ахнула Александра. – Как же так?

– А так, – Даша усмехнулась. – Она ведь сама меня родила в семнадцать с копейками.

– Мама! – Малышам надоело возиться с транспортом, и

Кирилл подбежал к матери.

Та поправила ребенку шапку и стала вытирать грязные ручонки носовым платком.

– Счастливая ты, Даша, я вдвое старше тебя, а этого слова никто мне не говорит – некому. – Александра поднялась со скамейки. – Ну ладно, давайте прощаться. До свидания, Литвиновы.

– И нам пора, Кирюша, пойдем домой, сейчас мультики начнутся.

Малыш послушно протянул матери руку.

Дома, покормив сына и усадив его перед телевизором, Даша прилегла на старый, продавленный диван. Мультфильмы будут крутиться тридцать минут, и ей удастся хоть немного вздремнуть перед работой. Звонок перечеркнул все ее планы.

На пороге стояла Татьяна Захарова. Конечно, они неплохо знали друг друга, но подругами никогда не были.

– Привет, ты одна? – разуваясь в прихожей, поинтересовалась гостя.

– Мы с Кириллом вдвоем, сейчас вернется Вера Борисовна, а ты надолго?

– Ты, Дашенька, хоть бы ради вежливости обрадовалась при виде будущей золовки.

– Всем будущим золовкам не нарадуешься. Ну пойдем в кухню, чай пить будем горячий.

– Да я, в сущности, к горячему чаю прохладно отношусь.

Я у тебя пришла в долг попросить, дашь?

Даша прошла в кухню и загремела кружками. Таня села к столу, не сводя с нее ожидающих глаз.

– Нет, не дам. Да и зачем тебе? Ты же вроде как лечиться уезжаешь?

– А ты уже, естественно, все знаешь.

– Это не только я – все знают. Давно пора, а то Женьку извела совсем, высох весь.

– А почему ты решила, что он из-за меня высох? Это он из-за Мадонны с младенцем тает. А она, знаешь ли, как собака на сене – и от себя не отпускает, и к ней не подойти.

– Зато к некоторым подходят все кому не лень. – Даша начинала заводиться. – Ты поделись секретом, как мужиков к себе затаскиваешь, ведь это чего надо наобещать, чтобы к тебе кто-нибудь подойти отважился.

– Ладно, делюсь, записывай! – Татьяна вызывающе откинулась на спинку стула, закинула ногу на ногу. – Подхожу к приличному мужинке, заметь, Даринка, к приличному, а не чмошнику, затем тихонько так говорю: «Вы меня не помните? А если подумать?» Главное, чувствовать себя уверенно, прищурить глаза и нацепить понимающую улыбку. Срабатывает процентов на девяносто. Начинают вспоминать, мяться. А уж если ты его имя где подхватишь...

– А если подхватишь не имя? – Даше уже надоела эта пустая болтовня. – Татьяна, короче, денег не дам. Еще какие-нибудь будут просьбы или пожелания?

– Дай денег, тебе же лучше – я скрючусь, квартира вам с Женькой останется. Не жмись. Я же знаю, у тебя есть!

– А я и не сказала, что нет, я сказала, что не дам.

В дверях зашевелился ключ, и вошедшая хозяйка, увидев гостью, заторопилась в комнату.

– Баба Вера, – позвала Даша. – Иди с нами чай пить, с печеньем. Таня уже уходит.

Татьяна поднялась, сладко потянулась:

– Ладно, старухи, глотайте свой чай с печеньем, – не спеша обулась и вышла, хлопнув дверью.

Даша опустила на стул, некоторое время сидела, горько сдвинув брови, потом с сожалением глянула на часы и стала раскладывать печенье.

Женьке Захарову уже изрядно поднадоело заниматься этим нудным делом – домашним хозяйством. Эта ежевечерняя готовка, хождение по магазинам, стирка... Как это женщины всю жизнь с этим маются, а некоторые даже умудряются быть счастливыми? Позавчера рыба, вчера окорочка, а сегодня что сообразить?

Сейчас он опять стоял у прилавка магазина и растерянно разглядывал цветастые упаковки. Так чем же все-таки порадовать болящую сестрицу? Ни черта дома не делает, хоть бы раз сама ужин сварганила! Все пофигу! Так, стоп! Вот так и сам не заметишь, как станешь нудистом. В смысле – занудой. Татьяна больная, и он должен о ней заботиться, вот и

все. Она теперь и сама старается терпеть. Не зря позавчера мужику звонили.

– Девушка, подайте мне, пожалуйста, вон тот кусочек вырезки. Да-да, этот и пакет гречки, – заказала впереди стоящая девушка.

– Мне то же самое, – повторил Женька и задумался, а что, собственно, он будет делать с мясом. Девушка укладывала продукты в пакет и приветливо поглядывала на парня.

– Здравствуйте, – обратилась она к нему.

– Здравствуйте, простите, а... – Женька не мог вспомнить, знаком ли он с этой молодой особой.

– Мы с вами в одном доме живем, не замечали? Меня, кстати, Ирой зовут, – усмехнулась девушка. – У нас теперь зачастую так бывает – с человеком можно всю жизнь через стенку прожить, а кто он и что, так и не узнаешь.

«Где-то я это уже слышал», – подумал Женька, выходя из магазина вместе с Ирой.

– Ничего удивительного, сейчас дома многоэтажные, в одном подъезде целую деревню можно расселить, где же тут всех узнаешь! И захочешь, да не получится.

– А вот и неправда! Просто каждый из нас так собой занят, что на других уже не остается ни сил, ни времени, ни желаний.

– А если этот каждый и не хочет, чтобы кто-то лез в его сложности?

– Такого по природе человеческой быть не должно, это

противоестественно. Каждый человек в своей жизни должен кому-то помочь, кто-то поможет ему. Не может быть, чтобы искренняя помощь была не нужна, чтобы было наплевать на доброе отношение, сочувствие, сопереживание. Мы ведь люди! – убежденно говорила соседка, потом, видимо спохватившись, что для первого знакомства беседа получилась слишком нравоучительной, игриво сощурила глаза. – Вот я заметила – вы взяли то же, что и я, а что, если не секрет, собираетесь готовить? Хотите, помогу советом?

– Хочу, – охотно согласился Женька. – Только если не очень сложно, а то мы просто останемся без ужина.

Девушка подробно рассказывала, как соорудить мясное рагу, а Женька добросовестно пытался запомнить, в какой последовательности куда чего бросать.

Неподалеку засигналила машина, и собеседница заторопилась.

– До встречи, – попрощалась Ира и легко, несмотря на сумки, порхнула к автомобилю.

– Женька! – крикнули из детской песочницы.

– Ты чего голосишь, круглоголовый?

– А ты в школу не собираешься, что ли? С дамочками воркуешь. Опаздываешь ведь, между прочим.

– Фу ты, черт, точно! А сам-то не сильно торопишься, я смотрю. Не пойдешь, что ли?

– У нас с Севычем здесь свидание, чтоб ты знал, – отряхивая брюки, поднялся Вовчик. – Он в прошлый раз после

уроков по ошибке вместо своего пакета мой взял, а у меня там деньги.

– И чего ты испугался? Севка никогда не возьмет.

– Кого не возьмет! Он уже взял! – взорвался Вовка. – Сразу же и сообщил: «Хорош зажиматься. Мы на эти деньги после следующей вечернухи устроим небольшой бухучет. Пивка поьем. Ты, – говорит, – у нас из порядочной семьи, с голоду не помрешь, значит, спонсором будешь». Ты чего, Севку не знаешь? А ты куда сейчас? Может, и правда – посидим, отдохнем? Ты вон какой загруженный, опять с сумками. Слушай, а чего ты на Дашке не женишься? Хорошая же девка. Заноза, конечно, но лучше заноза в руках, чем журавль в облаках.

– Иди уж, сват! – усмехнулся Захаров. – Дождись своего Севку. А с пивом я сегодня пролетаю. В другой раз.

Вовка обреченно вздохнул и поплелся обратно в песочницу.

У Женьки снова кошки заскребли на сердце. Тянут его во все стороны, тянут... Вот и девчонка эта, соседка, пыталась в душу влезть с разговорами, теперь Вовчик какое-то культурное мероприятие отработывает. И с Дашей уже достал! Можно подумать, Женька сам ее не звал! Раньше говорил почти при каждой встрече, а теперь... А теперь он боится. Это ведь только ребята забыли про убийство, живут, как жили. А Женька-то разве сможет забыть? Теперь и по сторонам оглядывается, и в лифт старается сесть только один, и на лю-

дей косится. За Татьяну переживает, за Дашу беспокоится.

Потому что ходит этот убийца еще на свободе, и кто знает, что там у него намечено.

Подонок! У Женьки сурово нахмурились брови. Ладно, проехали. Вот поставим Танюху на ноги, а потом. А потом можно и пожить. Женька оглянулся на песочницу и с удивлением подумал – неужели совсем недавно он был таким же беззаботным, как этот кругленький Вовчик?

Сразу после того, как Захаров скрылся в подъезде, неизвестно откуда к Вовке подскочил Севка.

– Ну что, уломал? – кинулся он к другу.

– Как же, его уломаешь! Ходит со своими авоськами, больше ни о чем и думать не хочет. Зря только полтора часа в этой песочнице как пень просидел.

– Правильно говоришь. Пень и есть, – недовольно буркнул Севка. – Это я дурак, надо было самому с ним поговорить, я бы его уломал.

– Да-а! Ты же у нас крутой мачо, – язвительно подкусил Вовчик, направляясь к школе.

– Попрошу не выражаться! – буркнул Севка. – Торопись в науку, опоздаем, оратор.

Татьяна захлопнула дверь и спустилась этажом ниже. Прислонясь к стене, она задумалась. Еще немного, и ее начнет ломать, а боли Танька не выносила. Конечно, вылечить-ся ей очень хотелось, уж не настолько дура, чтобы не видеть,

какой стала, и не знать, что ее ждет в ближайшем будущем. Однако терпеть пытки отравленного организма было выше ее сил. Через неделю они с Женькой приедут в отдаленное селение, где располагается Центр освобождения от наркозависимости. Брат просил потерпеть, она знала, что пересилить себя надо, и еще знала, что не сможет. Да и фиг с ним, в конце концов. Вот начнут лечить, тогда и будет терпеть, а пока кому нужен этот героизм. Так, глядишь, не дотянешь и до Центра – от ломок загнешься.

Танька одернула куртку. Без денег, в долг можно было затариться только в школьной мастерской, если не попадаться на глаза Михаилу. Был там свой человек, который выручал таких же бедолаг и не наезжал, если долг вовремя не вернешь, и к Таньке он относился с пониманием. Только что-то мешало девчонке лишний раз туда наведываться. Зудел, наверное, вопрос, с чего бы это добрый дядя так печется о наркоманах, что даже деньги его не беспокоят, а может, еще что? Но сегодня думать об этом не хотелось. Да Татьяна бы и не додумалась все равно, в какую паутину влезла.

Михаил Алексеевич, устроившись в вечернюю школу, развернул кипучую деятельность. Он тут же создал мастерскую, где не просто табуретки гвоздями заколачивали, а мастерскую по ремонту автомашин. Сам он разбирался в этом не слишком, зато пригласил умельца – автослесаря, которого соблазнил свободной зарплатой – сколько заработал, столько и получил. Рядом с машинами толкались ученики, которые

по возможности выполняли несложную работу и вознаграждались скромным заработком. Старания трудовика вскоре были замечены директором школы. Молодящаяся Галина Дмитриевна нашла в этом подвижном, сильном сорокалетнем мужчине ценителя своей женственности. Михаил не разрушал ее иллюзий и не гневался особенно, когда по школе поползли слухи об их тайной связи. Вся эта несложная система помогала Дворневу вершить свои более серьезные дела. Танька несказанно удивилась, если бы узнала, что именно по настоянию Михаила Алексеевича, этого правильного и справедливого педагога, ей беспрепятственно дадут в долг любую дозу. К Тане Захаровой Дворнев не сразу отнесся с должным вниманием. Ну прибегает деваха за всякой дурью, кого этим удивишь! Мать и брат положительные, дело гиблое. Да и квартиры с каждым днем даются все сложнее, все плотней стена законности. А тут засветился некий бесприкрытый вариант с парнишкой-сиротой, до Захаровых ли! Правда, и от себя Таньку не гнал, сидящий на игле – это всегда тоненький денежный ручеек. Ситуация резко изменилась после смерти Ирины Николаевны. В голове Дворнева замелькали всевозможные пути подхода к крупногабаритной трехкомнатной захаровской квартире. Ну а пока суть да дело, девчонку прочно держали на крючке.

Танька бежала в мастерскую. Там можно было достать все искомое, а еще именно там она находила очередного спонсора среди клиентов, которые пригоняли в починку своих же-

лезных любимцев. Не каждый владелец был так же щепетилен в женском вопросе, как в водительском. В мастерской четверо парнишек облепили серую «Волгу», Дворнев же разговаривал на улице с видным брюнетом, пригнавшим сверкающую иномарку. Танька прошмыгнула к измазанным работникам.

– Трудяжки, привет! Дергача никто не видел?

– Достали уже со своим Дергачом, – ворчал невысокий парнишка с востренькими птичьими глазками. – Из-за вас прикроют эту шарашку, а нам опять скитаться!

– Ладно, не бубни, – миролюбиво оборвала его Татьяна, – ковырайся лучше в машине, глядишь, гайку золотую отыщешь, вот радости будет! Так где Дергач?

– Да он у Витьки, в пятой квартире, сказал, что минут через сорок нарисуетя.

Так, это было даже лучше. Для чего Дергач бегал к Витьке, знали все. Это было своего рода паролем для желающих уколоться, там же оказывались услуги любого рода. Человеку новому адреса не давали, и, даже узнав его, попасть в квартиру можно было только лицам проверенным.

Попрощавшись с ребятами, Танька опять обратила внимание на смазливого мужичка с иномаркой. «Вот бы такой дружок поддержал бедную Танюшу материально», – мелькнула у Татьяны мысль, и особой походочкой она направилась к владельцу блестящей красавицы.

Расставшись с семейством Брутичей, Саша подумала, что домой забежать не успеет, мысленно извинилась перед Баксом и зашагала в школу. Через полчаса начиналось заседание клуба. Около школы стояли парни и девчонки, болтали, смеялись, некоторые стояли парами. Парами... Сегодня она встретила Сергея Сергеевича у Брутича, он прошел мимо нее, как мимо кухонного комбайна. «Не загоревшись, страсть потухла!» – усмехнулась Александра. Отгоняя неприятные мысли, она тряхнула головой и начала наводить порядок на столе. Минут через двадцать в кабинет потянулись ребята. Шумно заходили, рассаживались, двигали стулья. Пришел Санька Кротов и деловито пробормотал:

– Я вот подумал, может, в журнале заметку о Женькиной матери дать, я и фотографии сделал. – Он вытащил из пакета внушительную стопку.

– Ты прав, старик. Юль, напишешь?

– Я напишу, – бормотала девушка, разглядывая фотографии.

Александра взяла в руки снимки. Печальные кадры, горькое Женькино лицо...

– Ребята, я была у следователя, – тихо сообщила она. – Дело ведет Линчук Аркадий Юрьевич. Поэтому все ваши сомнения напрасны, над этим делом работают.

– Над каким? – вроде бы и не слушая, невинно любопытствовал Севка.

– Как это – над каким?!

– Какой номер? Если дело завели, оно значится под определенным номером, вот я и спрашиваю, под каким номером? Вам вообще-то номер сказали? – не успокаивался Севка.

Александра растерянно молчала. Черт, ну откуда она должна знать все эти криминальные тонкости!

– Сева, я все равно туда еще наведаюсь, тогда и номер уточню.

– А вы так и будете следственный отдел посещать? Тогда на вас саму что-нибудь повесят, шпионаж например, – предостерегла Юлька, но Александра ее не слышала. Откуда у них эта фотография? Это лишь короткое мгновение, когда Сергей открывал дверцу машины возле дома Женьки, и он увез Аришку в зал игровых автоматов, а она забежала к Захаровым. Несколько секунд, а дотошный Кротов поймал. Но странно даже не это. Если бы не застенчивость, Александра увеличила бы это фото и поставила на самое видное место. Она вышла как никогда удачно: устремленная вперед, тоненькая, беззащитная, с огромными печальными глазами, а рядом Сергей. Он смотрел на нее, и самая большая странность была в том, как он смотрел. В его взгляде было столько горечи и... да, и теплоты! Неужели он может так на кого-то смотреть? Но ведь здесь ясно видно – может, и не на кого-то, а на нее, на Сашу.

– Александра Михайловна! Очнитесь! А эту фотографию, – Севка жеманно указал на кадр в ее руках, и голос его стал тихим и вкрадчивым, – мы поместим в рубрику «Зачем

ты в наш колхоз приехал?»).

– Точно! – подхватила Оксанка Щукина, охочая до сердечных приключений. – А поэтесса Инночка свет Капустина присочинит что-нибудь в стиле «Голова ушла в туман, на меня напал роман».

– Ага! Причем роман с большой буквы.

– Охальники! – отшучивалась Александра. – Сладко вам видеть меня старой девой, да?

– Ну что вы! – возражал Вовочка. – Вы у нас далеко не старая и уж, конечно, не...

– Молчать! Семенов, побереги свои бородатые фразы для более молодых и прекрасных дам. – Саша совершенно не умела сохранять серьезность в подобных ситуациях. – Фотографию я у вас конфискую и дискуссию считаю закрытой. Я понимаю, тема любви очень притягательна, но у нас с вами сегодня столько дел! Во-первых, Вова, что у тебя с математикой? Почему постоянные конфликты с Верой Степановной?

– Это не конфликт, а моя точка зрения, – не соглашался парень.

– Вова, математика – наука точная, и разных точек зрения там быть не может. Сделай выводы. И в конце концов, ты – мужчина, а она – уставшая пожилая женщина...

– Вот я примерно это ей и сказал и сделал вывод, что ей пора на заслуженный отдых, на что она непедagogично разразилась бранью. Но из уважения к вам я завтра извинюсь и скажу: «Вера Степановна, какой вам, на фиг, отдых, на вас

еще пахать и пахать!»

– Прекрати! – Александра строго прервала Семенова, неуважение к старшим она никогда не поощряла. Ребята об уроках докладывали неохотно, вяло, по всей видимости, к учебникам тянуло далеко не всех. Зато рубрики журнала обсуждали живо, с искренним интересом.

Уже поздно вечером Саша распрощалась со своей неутомимой творческой группой. Ее провожали Юлька Красикова и Саша Кротов. Юлька, как всегда, задирала нос, фыркала, Санька же со взрослой снисходительностью наблюдал наивные выпады женского кокетства.

– Александра Михайловна, а почему вы такая умненькая, фигурка у вас неплохая, одеваетесь со вкусом – и до сих пор одна? – по-детски бестактно лезла в душу Юлька.

– Уж лучше быть одной, чем вместе с кем попало, – тут же отреагировал Кротов. – Это не я сказал, а один умный товарищ.

– Понятно, ты-то чего умного скажешь?

– Понимаешь, Юля, – лукаво глянула на нее Александра, – я вот тоже все время думаю, и какого им рожна надо? И красавица, и разумница, и петь-рисовать... Ан, видимо, не судьба кого-то собой осчастливить.

– Ну а этот-то, с фотографии, чего? Не берет? – сочувственно тянула жилы девчонка. – Так вы сами его в загс тащите! От них дожدهшься! Вы у нас больно робкая, нельзя так.

Крушинская вспомнила, как ее предупреждали, что дети – народ непростой, на контакт идут трудно, и улыбнулась. Послушали бы они, какие контакты завязывают эти детки, над какими проблемами головы ломают. Конечно, это у Александры в клубе ребята интересные, раскованные, с ними ей по-настоящему интересно. Такие в школе далеко не все. Те, другие, в клубы не ходят, им там неинтересно, да и вообще, интересно ли хоть где-то?

– Ой, Александра Михайловна, а у вас в окне свет горит! – встрепенулась Юля. – Вас кто-нибудь ждет?

– Если свет, значит, ждут! – и Александра помахала ребятам рукой.

Дома ее ждал стол, традиционно уставленный продуктовым изобилием. В центральном углу крохотной кухни восседал Игорь – давнишняя жилетка для всякого рода жалоб трех подруг. Началось их знакомство с того, что семнадцать лет назад Игорь со всей молодой страстью влюбился в Сашу Крушинскую, а та по неопытности вместо сердечного возлюбленного сделала из него общего друга, затем Игорь незаметно так же страстно полюбил Олю, а уж потом и Валерию. По Лерке он сох дольше обычного, но у той была учеба, приезжала она домой редко, а потом было уже поздно – ветреница выскочила замуж за Грига. Если называть вещи своими именами, то Григ был обыкновенным Гришей, но простецкое дедовское имя так не вязалось с тонким, аристократичным обликом парня, что молодая жена стала звать его ис-

ключительно на свой манер.

– Вы же понимаете, – объясняла она, – Станислав – Стас, Владислав – Влад, а Григорий – Григ, это же так естественно!

И действительно, со временем это стало естественно для всех. Игорь же вскоре женился, затем развелся и вернулся к прежним подружкам веселым балагуром, готовым выслушать все их жалобы на черствость мужей, на высокие цены и на то, «как мне надоела кухня». Он приезжал всегда неожиданно, собирал всех троих на Санькиной кухне и забрасывал их подарками. Одним таким подарком, например, стал Бакс – Сашин любимец.

Сейчас вокруг старого друга хлопотала Оля. Она уже напоила его кофе и, похоже, даже чем-то более крепким, потому что бутылка шампанского была наполовину пуста. Бакс вышел в коридор и терпеливо ждал, пока хозяйка разделется, возьмет его на руки и почешет шейку.

– Крушинская! – кричал из кухни гость. – Ты сейчас с работы или с randevу?

– Игореша, солнышко, у меня вся работа – сплошное randevу.

– Оль, а ты мне говоришь, что Александра в школе работает. Сань, да отпусти ты зверя!

Бакс серебристым воротником лежал на груди хозяйки и шурил янтарные глаза.

– Игорь, кота не трожь, это святое, – предупредила Ольга. – Шур, начнешь с кофе или сразу с шампанского?

– Начну с кофе, им и закончу. – Саша затянулась сигаретой, прихлебывая из маленькой чашечки, она щурилась так же, как Бася. – А куда Валерку дели?

– Мы специально без нее сегодня, ты что, забыла? – Ольга удивленно вскинула брови. – У нее же день рождения, вон у тебя и приглашение на стенке стоит.

– Ох, точно. А чего это она не в субботу? Все-таки пятница – рабочий день, – вздохнула Александра, представив себя на празднике подруги после трудовой вахты.

– Женщина должна быть готова к приятностям в любой день недели, запиши где-нибудь, – возразила Ольга. – Конечно, стихов ты Лерочке не написала, забыла, да? Признавайся.

– И номеров для нашей с Олюшкой самодеятельности тоже? – закусывал розовым окороком Игорь.

– Не плачьте, напишу, – успокоила хозяйка. – Ольга опять же будет зайчиком, она исполнит частушки в честь именинницы и выдаст па с морковками, а тебя загримирuem под верблюда, ты притащишь Лерке наши дары.

– Его лучше не гримировать, – глянув на Игоря, посоветовала Ольга. – Он так больше на двугорбого похож.

– Ага, – согласился тот, – добро украшать – только портить. Кстати, посмотри, Сань, что мы подарим.

– Мы – это и я тоже?

– Ну а как же! – Игорь доставал бархатную коробочку. Под крышечкой сверкало маленькое изящное колечко с крохотным бриллиантом.

– Ну нет, ребята, я такого не могла купить. Обеспеченность не та.

– Могла, могла, – закивала Оля. – С тебя двести.

– Всего? – От удивления у Саньки из рук плюхнулся на пол кусочек рыбины, которую она прилаживала на бутерброд. – Это нечестно.

– Все нормально – от каждого по возможности – Лерочке по потребности, – объяснял Игорь, – не швыряйся рыбой. Это ты у школьников нахваталась, чуть что – рыбой об пол?

– Кстати, как там твои переростки? Утряслось с парнишкой-то?

– Это ты про Женьку? А с ним ничего, сильный мужичок, а в остальном... Это такая беда, что ничем не утрясешь.

– Барышни, вы про кого? – Игорь разливал шампанское, не обращая внимания на протесты хозяйки.

– В Сашином классе у одного паренька мать застрелили.

– Да, этим сейчас никого не удивишь. Вчера поминки, завтра дни рождения. А вообще, беспредел, конечно, но давайте о приятном.

– Подожди, Игорь, понимаешь, – Санька разволновалась, – меня потрясло даже не само убийство, хотя здесь много странного, меня удивляет дико, что ко всему этому отношение такое... Ну, знаешь... убили, да и ладно, хорошо, что не меня. Молодежь даже не верит, что преступника будут хотя бы искать! Заметь, не найдут, а даже искать! А это значит, что угодно твори – все с рук сойдет. А ведь наша школа

не совсем простая.

– О, господи! Саня, чего тебя так пробрало? Ну нам что, поговорить не о чем? – Игорька начинала утомлять беседа о неизвестных героях.

– Вот так мы и отмахиваемся, – устало бормотала Крушинская.

– Да никто не отмахивается, но что ты предлагаешь? Бежать в милицию и кричать, что надо хорошо работать?

– А я и бегала.

– Зачем? – не поняла Ольга.

– Кричала, что надо хорошо работать.

– Святая простота, представляю, что тебе там сказали! – Игорь только помотал головой. – Крушинская, ну почему ты не вышла за меня? Я бы адаптировал тебя к нашей пошлой действительности.

Сашка улыбнулась. Из своей сумочки достала фотографию и протянула ее друзьям:

– Как я вам здесь?

– Ты прекрасна, спору нет... Ох, ну и глаза у нашего Сереженьки! – Ольга разглядывала фото. – Я и не знала, что у него в запасе и такие взгляды имеются. Но ты, подруга, выводов не делай. Говорят, сыновей любит своих по-сумасшедшему, да и змея очковая, которая женой называется, от себя не отпустит.

– А жаль, – задумчиво проговорил Игорь, – красивая пара. Он тебе нравится, что ли, Крушинская?

– Да я просто фотографию вам показала.

– Куда уж проще, – пробормотала Оля, – но ты забудь.

– Все, забыла, – безрадостно улыбнулась Санька. Они еще долго сидели на кухне. Игорь рассказывал про свою новую подружку, Саша про учеников, Оля про свою уже такую взрослую дочь. Саша смеялась и шутила, но настроение разбилось о фразу «сыновей любит... змея от себя не отпустит».

Дарина извивалась в танце. Стонущая музыка подсказывала ей каждое движение. Но сегодня все было не так, как обычно, не было в танце откровения, влечения, и Дарина это чувствовала. Причиной был немигающий взгляд из глубины зала. В сущности, девушка давно не замечала лиц, глаз, слащавых улыбок. Она уходила в себя, в танце же выплескивала всю тоску, все слезы бессонных ночей, все желание играющей плоти. Среди сидящих за столами вряд ли кто-то мог подумать, что эта зовущая гетера имела в своей жизни только одного мужчину. Банальная любовная история закончилась для него вместе с окончанием курортной путевки, Даша же лишилась дома, родителей, друзей, подруг и веры в искренние чувства.

Она презирала себя, и сама мысль о постельной сцене казалась ей грязной и отвратительной. Взгляд же этого высокого крепкого брюнета внес сумятицу в ее чувства. Станный посетитель приходил в клуб вот уже неделю подряд, неизменно садился за один и тот же стол в углу зала и впивался в

нее глазами. Когда Дарину сменяли другие артистки, он расплачивался и уходил.

Сейчас он опять не сводил с нее глаз. Впервые Дарине стало противно изгибаться под чужими похотливыми взглядами, ей стало стыдно сдергивать с себя крохотные полоски кружевного белья, она казалась себе грязной шлюхой.

Закончив выступление, Даша зашла в душевую кабину и стала с остервенением тереть себя пушистой мочалкой. Вышла, накинула коротенький халатик и молча застыла в кресле. Она больше не хотела работать никогда, она просто не могла себя заставить. А как жить дальше? Кто бы ее послушал, тут же надавал бы кучу советов – на завод! В цех!

Еще бы устроиться на этот завод. Только на такой, где деньги платят, а не обещаниями расплачиваются. Своего ребенка она должна кормить, а не рассказывать сказки про то, что у дяденьки директора денежки нет. Как правило, не дяденькины детки сухари грызут, а тех бедолаг, кто в этих самых цехах трудится. И куда идти?

Даша стала медленно одеваться. У черного входа ждал Женька. Устало пошла ему навстречу.

– Даш, ты такая измученная сегодня. Устала? – Захаров всегда подмечал даже малейший оттенок ее настроения.

– Надоело мне все.

Женька, насупившись, молчал. Даша подставила лицо под летящие с неба снежинки. На улице было тихо и светло от выпавшего снега, но ей хотелось скорее домой.

– Жень, ты не встречай меня после работы. Нас по домам микроавтобус развозит, а мы с тобой пешком идем. Шагать-то до дома дай бог сколько, а я и так весь вечер на ногах.

Парень пристально посмотрел на подругу:

– Ты и правда устаешь, не беспокойся, я не буду приходить сюда.

Всю дорогу Даше не давал покоя вопрос – как мог случайный посетитель так изменить ее настроение? Сколько она слышала за спиной злобного шипения соседок, знала, как о ней думали все, кто знал о ее работе, а уж какими словами поносили в школе... Только ленивый не плевал ей вслед, но Даше нужны были деньги, чтобы прокормить, прилично одеть сына, ей нужно было накопить на квартиру, поэтому она терпела и, казалось, привыкла. А что же сегодня? Она злилась на этого серьезного, взрослого человека, но сквозь злость пробивалось неуютное чувство стыда.

– Все, Даша, пока, – прервал у подъезда ее мысли Женька и, не дожидаясь, пока она ответит, зашагал к своему дому. Даша его не останавливала.

Женька быстро шел по ночной улице. В его доме не было света. Глупо было бы надеяться, что Татьяна спит, ее снова нет. А ведь осталось совсем немного. Ком обиды подкатился к горлу. Ее даже не интересовало, где он взял деньги на лечение, чего ему стоило отпроситься на работе, чтобы проводить сестру до места, ей надо было продержаться чуть-чуть, а она... Все одно к одному. Эта сегодняшняя встреча

с Дашей только добавила боли. Еще совсем недавно при виде его глаза ее радостно вспыхивали, а теперь в них была лишь усталость. Женя и Даша были друзьями около двух лет. Он до сих пор помнит, как увидел худую, испуганную девочку с прогулочной коляской, которая мялась возле школьного входа. Ей надо было забрать какие-то учебники, а малыш спал, не хотелось его будить, и оставлять в коляске было страшно. Женька предложил покараулить дитенка, а потом помог молодой мамаше добраться до дома. А потом уже, когда увидел ее в своем классе, стал оберегать, помогать, если получалось. Только с ним Даша могла чисто и весело хохотать, запрокидывая голову, только ему она рассказывала про первые достижения сына, только Женьке она рассказывала о всех работниках ночного клуба, да что говорить. Первое время в школе чего только ни трепали про них, потом успокоились, а узнав получше характер Даши, и вовсе примолкли, хотя были уверены, что этот дружеский союз непременно перерастет в брачный. Женька и сам мечтал о том времени, когда сможет назвать Дашу своей женой, не раз представлял себя вместе с ней, наедине, чтобы целовать, носить на руках, укладывать в просторную постель и будить ее по утрам... Этого никогда не будет! Он понял это не сегодня. Все последние дни Даша была другой. Это была не усталость, не плохое настроение, это была Даша другая, которую Женька не знал и которой был не нужен.

11-й «Б» сидел перед Александрой Михайловной в строгой глухой тишине.

– И все-таки, кто мне расскажет про окислительно-восстановительную реакцию? Пусть идет к доске доброволец, который открывал дома учебник.

Класс хранил молчание.

– Ну хорошо, вам дома было не до параграфа, но мы же на прошлом уроке подробно это записывали. Ефимов, выходи к доске. Расскажи, какой процесс понимают под восстановительным?

Здоровенный, неповоротливый Ефимов с большим трудом старался вспомнить то, чего никогда не знал, наобум перечислял какие-то формулы, которые вообще никакого отношения к химии не имеют.

«Надо же, – думала Даша, – неужели Женька так расстроился, что даже в школу не пришел? И чего обижаться? Как друг, он замечательный парень, но ведь только как друг...»

– Даша Литвинова! Где допустил ошибку Ефимов?

– В роддоме, – не утерпел Севка Ильченко, – надо было дитем президента родиться, а он оплошал...

– Ильченко! Хочешь поговорить – иди к доске.

Севка стих. Урок тянулся обыденно и бесконечно. Даше не давало сосредоточиться неприятное предчувствие. Не мог Женька так по-детски пренебречь школой. Для него школа – не пустяк, даже по болезни не пропускал занятий. Его не было только в дни похорон матери. И вот теперь

опять...

Тревожные мысли оборвал залиvistый звонок. Собрав тетради в сумку, Даша подошла к расписанию. Сегодня пятница, а что будет в понедельник? Алгебра, английский, физика... Около отдельного стенда толпился народ. Там в развернутом виде вывешивали школьный журнал и сейчас вывесили новый номер.

– Лен, Лена, про тебя написали!

– Про нее чего путного написать могут?

– А вот, смотри, советы от Михаила Алексеевича!

– Ну отойди, не видно ни черта.

– Ты ниже читай, это статья про Захарова, а советы ниже.

Даша заинтересованно подошла. Немного строк с банальными фразами, фотография, где присутствует почти весь класс, унылые лица...

– Даша, а почему Захарова сегодня не было? – перед ней стояла Оксана Щукина, девочка умненькая и очень миловидная.

– Не знаю.

– Можно мне с тобой поговорить? – девушку явно мучил какой-то вопрос.

Они отошли подальше от галдящих читателей.

– Даша, а нельзя к вам устроиться на работу? Я все могу, у меня нет комплексов. Может, поговоришь там насчет меня, а? – без предисловий начала Щукина.

– Ух ты! Даже все! А что тебя толкает-то на такую рабо-

тенку? – Даше разговор не нравился.

– То же, что и тебя, – колко сверкнула глазами красавица. – Деньги нужны.

– Уж так нужны, что на все готова? У тебя что, семеро по лавкам?

– Ой, я тебя умоляю! Литвинова, я же нормально с тобой говорю, чего ты-то с моралью лезешь!

– Не лезу я с моралью, а помочь ничем не могу, я там не работаю. Иди вон, по любому телефону предложи свои богатые способности, девочки на ночь всегда требуются.

– Так хочется к хорошему хозяину, – уже в спину Даше пробормотала Щукина.

«Все она может, – злилась Дарья. – Иди, поскачи, я уже свое отвыгивалась».

У нее теперь была новая забота – куда-то устраиваться. Деньги еще были, но утекали, как песок сквозь пальцы. Однако вернуться обратно Даше в голову не приходило. Она туда не вернется.

Женька лежал на диване и бессмысленно пялился на развернутую газету. Необходимо просто отвлечься. Вот хотя бы прочитать эту развлекательную страницу. Но с чтением не получалось, все его мысли были заняты другим.

Вчера Татьяна не ночевала дома. Это случилось довольно часто и раньше, но сегодня почему-то Женьке было особенно беспокойно. Вот уже три часа, как он пришел с работы,

уже и в квартире убрал, и ужин этот осточертевший приготовил, а сестры все нет. Значит, опять где-то наркоманит. И в самом деле, смешно было бы надеяться, что Татьяна сядет и будет стойко держаться подальше от своей отравы до самого лечения. А он уже и школу начал пропускать, чтобы помочь ей продержаться, да, видно, сорвалась, не укараулил. И где ее теперь искать? Учиться Татьяна нигде не училась, два раза устраивалась на работу, оба раза ее турнули, и теперь Женька собирался всерьез заняться ее устройством уже после лечения. Ни подруг хороших, ни друзей себе не завела, к кому бежать? Опять к Дергачу?

Женька вспомнил их недавнюю встречу. Он не раз предупреждал, чтобы парень и близко не подходил к сестре, но тот всегда только усмехался и с наигранным удивлением поднимал бровь:

– О чем ты, Захаров? Какие наркотики? У тебя что, крыша едет? Зря ты так.

В последний раз Женька специально дождался Дергача у ворот маленькой мастерской и, отведя его на темную аллею, спросил без всяких предисловий:

– Ты Таньку колол?

– Что ты! Она большая девочка, сама колется.

– Я тебе говорил, чтобы ты к ней не подходил, ты не понял?!

– Да пошел ты на...

Договорить Дергачу не пришлось. Мощный удар сшиб его

с ног. Женька бил с остервенением, с неизвестной донине злобой и опомнился лишь тогда, когда прибежали ребята из мастерской.

– Ладно, харчок, сейчас я тебя бить не буду, но я тебя не прощаю! – злобно сверкал глазами Дергач. – Я тебя, сука, в крови утоплю. И не только в твоей.

Тогда разъяренный Захаров принял эти угрозы как обычное моськино тьяканье, а вот теперь боится по-настоящему.

Женька отбросил газету, выключил свет и подошел к окну. Часы пробили десять. Он не любил эти часы. Они были старинные, деревянные, с резными завитушками. Может, когда-то в доме у деда, от которого достались, часы и были на своем месте, но сейчас они смотрелись излишне помпезно в скромной захаровской квартире. Их угрюмый, грозный бой всегда пугал Женьку, ему казалось, что они не просто показывают время, а специально созданы кем-то страшным и всемогущим, чтобы отсчитывать оставшиеся часы жизни. Так они когда-то отсчитали время деду, потом отцу, затем матери и кому-то отсчитывают теперь. Кому?

Было жутко, а Татьяна все не возвращалась. Что же могло случиться? С ней – что угодно. И неужели сама не понимает, по какому краю ходит, ведь не глупая! Темнота давила, росло беспокойство.

Женька включил свет, вышел на кухню и закурил. Вот интересно, со всех страниц газет, журналов, с экранов постоянно вещают: «Родители! Любите своих детей и не бойтесь

им сказать об этом!» А что получается? Уж Таньку-то не любили! И отец, и мать в ней души не чаяли, а она как цветок: ее холили-лелеяли, она росла и расцветала, чуть отвернулись – и подломилась. Понятно, ей было трудно, но ведь не все же ломаются. Взять, к примеру, Дашу. Дашенька, Даша. При воспоминании о ней Женька нахмурился. Все! Не о ней сейчас надо думать. Господи, да что же с Татьяной? Нет, так нельзя, он изведет себя вконец, завтра и на работу можно проспать, а сестрица заявится часа через два, опять невменяемая или излишне веселая, и еще обижаться начнет – почему это братец не рад такому дивному явлению!

Время шло, Женьку начинала злить напряженная ситуация. Какого черта! Сколько же можно?! Парень снова бухнулся на диван и взял газету, а чтобы уже совсем мыслям к голове доступа не было, еще и телевизор врубил. На экране молодые парни и девушки поливали себя фантой и настойчиво предлагали вливаться, газетный фельетон смешно рассказывал о том, что может вытворить бытовая техника. Женьке вспомнилось, как отец купил новый здоровый цветной телевизор. Танька тогда маленькая была, лет шесть, наверное. Первый день вся семья бурно радовалась, а на второй дети остались одни, наедине с цветным чудом. Женька учил сестру, на что нужно нажимать, чтобы загорелся экран. Татьяна страшно боялась всего, что было связано с током, но набралась смелости и осторожно потянулась пальчиком к кнопке, и, когда только ее коснулась, коварный брат боль-

но ущипнул девчущку за попу. Крик был на весь дом. Таня сначала ревела от страха, потом от обиды, потому что братец катался по полу и умирал со смеху. Но ни матери, ни отцу так ничего и не сказала, а то попало бы мальчишке еще так.

В комнате было тихо. Женька подошел к окну и заматерился. На скамейке возле подъезда сидела Таня! Он тут с ума сходит, ждет ее, а она, похоже, и не торопится!

Ее, видите ли, ваши заботы не трогают!

– Татьяна! Быстро домой!

Сестра подняла голову. На Женьку глянули пустые холодные глаза.

– Мне нельзя, – прошелестел ее голос.

– Ну подожди, я сейчас спущусь! Ты у меня конкретно узнаешь, что тебе можно, а чего нельзя!!

– Не спускайся. Меня ждут, я поеду, – монотонно бормотала сестра.

Машины не было видно, но даже здесь было слышно, как она сигналит. Ее сигнал назойливо лез в уши, становился все громче и отчетливей.

Женька открыл глаза. Уснул, ни фиги себе! А какая галиматья-то приснилась. За окном стояло далеко не раннее утро. «Ух, черт! На работу-то...» Женька заметался по комнате. В дверь звонили. «Вот этот звонок меня и разбудил. Нашаталась, голубушка».

– Сейчас открою! Хорош трезвонить, меньше по ночам надо шарахаться! – уже не зло проворчал Женька и открыл

дверь.

Настроение было прекрасным весь день. С утра Саша с Аришкой ездили в бассейн, возил их Витек, веселый говорливый парнишка лет двадцати. Только они вернулись, домой заявился Лев Павлович. По его смущенному виду было ясно, что придется чем-то жертвовать. В жертву пришлось принести завтрашнюю субботу.

– Александра Михайловна, завтра мне придется поработать, а дочь девать некуда, наша Никитична к сестре на выходные уехала. Вы не могли бы завтра посидеть с Аришей часов с десяти? А сегодня я отпущу вас.

– Охотно, – заверила Саша. Ее и на самом деле больше устраивал такой вариант. Сегодня ей идти на день рождения Валерии, хотелось прилично выглядеть, для этого нужно время, а отпрашиваться Саша не любила и не умела.

И вот уже в двенадцать часов она дома. В школе сегодня нет ее часов, поэтому времени оставалось уйма. Саша подхватила на руки Бакса, потерлась носом о его мохнатую мордочку, котяра снисходительно терпел. За терпение был награжден вареной рыбой. Напевая какой-то мотивчик, Саша сделала себе кофе, достала сигарету и задумалась.

Идти в платье цвета сиреневой пастели, как она собиралась раньше, ей не хотелось. Как выяснилось, Оля будет сегодня удивлять гостей блузкой точно такого же цвета. Можно надеть молочно-белый костюм, но к домашнему вечеру

это не совсем подходит. А что тогда? Саша докурила и углубилась в недра платяного шкафа. На самом деле она могла бы этого не делать. Еще две недели назад, войдя без особой надобности в магазинчик западной моды, Саша увидела небольшое платье, которое стоило, однако, довольно больших денег. Влюбилась в него сразу. Платье на два пальца не доставало колен, было необыкновенно приятного приглушенно-голубого тона и не имело никаких элементов украшения, кроме идеального качества и крохотной броши сбоку на линии талии. Деньги нашлись, конечно же, у Оли, а платье после приобретения решено было не показывать до Нового года.

Но сегодня Саша уже не смогла удержаться. Бережно разложив приготовленное платье, она пошла готовить ванну.

Когда в шесть часов Оля, Андрей и Игорь позвонили в дверь, им открыла элегантная белокурая красавица.

– Ну, Крушинская! – выдохнул Игорь. – Я над собой теряю контроль.

– Санька! Разве можно так к Лерке? Нет в тебе жалости, у человека день особенный, а ты могла бы и мышкой серенькой, – возмутилась Ольга.

– Сань, не слушай ты этих злыдней, одевайся, на улице холодно, машина ждет, – Андрей подхватил смеющуюся жену, и шумная компания увлекла Сашу.

Валерия отмечала свое тридцатишестилетие дома, в кругу самых близких людей. Таких оказалось около двадцати. В

просторном зале, который до евроремонта состоял из двух комнат и коридора, стоял праздничный стол. Валерия была великолепной хозяйкой, но сегодня стол накрывали профессионалы. Каждое блюдо было настолько искусно оформлено, что вызывало даже не аппетит, а желание любоваться этим кулинарным волшебством. Гости еще не садились, и хозяйка умело дарила внимание каждому. Именинница была сегодня необыкновенно хороша. Высокую стройную фигуру мягко облегалo платье насыщенного вишневого цвета со скромным вырезом впереди и абсолютно открытой спиной. Темные блестящие волосы были высоко собраны в гладкую прическу и открывали длинную белую шею. Безупречно гладкое, матового тона лицо, выразительные глаза, капризно изогнутые губы... Тридцать шесть ей не мог бы дать никто.

Увидев вновь вошедших, хозяйка с обворожительной улыбкой направилась к ним. Лишь подойдя совсем близко, обрадованная Лерка зашептала:

– Я уже замучилась вас ждать, бросаете меня в такой день со всеми этими занудами.

– Не ворчи, солнышко наше! Поздравляем тебя от всего коллективного сердца!

– Лер, ты на каждом своем дне рождения моложе на год становишься, пора продавать секреты молодости, а нам – бесплатно! – щебетали подруги, скидывая зимние одежды галантным кавалерам.

– О-о! Девочки-мальчики! Ну что же вы заставляете се-

бя ждать? – подошедший Григ, казалось, только и ждал эту четверку. – Наша именинница уже от окна не отходит. Проходите!

Пока шел очередной тур приветствий, комплиментов и легкой вежливой болтовни, Саша проскользнула к двум подросткам, Валентину и Серафиму – близнецам Григорьевых. В январе им сравняется по шестнадцать. Сашка любила этих мальчишек, они были копией матери, только не этой грациозной женщины, а той сумасбродной Лерки, с которой Ольга и Санька учились до десятого класса. Мальчишкам каким-то образом удалось избежать налета светскости и избалованности, они росли замечательными обормотами, вечно ковырялись в масляных внутренностях любых машин, гоняли на роликах, пинали мячи и постоянно находились в окружении друзей-товарищей. Сейчас же, облаченные в элегантные дорогие костюмы, мальчишки принудительно находились в кругу родительских приятелей, вынужденные блистать отличным воспитанием, прекрасными манерами и безукоризненным поведением. Это было тяжким испытанием для обоих.

– Привет вам, отроки молодые! – Саша протянула им по кассете «Сам себе режиссер». – Это из последних, может, не так тяжело будет переносить наше общество.

– Теть Сань, спасибо!

– У нас таких еще нет, точно, Симка? – у мальчишек засияли глаза.

– «Теть Сань», пора за стол, – тут же пригласила подружку подошедшая Валерия, – хватит молодежь очаровывать. Мальчишки, за стол.

Тосты произносились длинные и витиеватые. Имениннику забрасывали одами, вычурными комплиментами и прочими словесными вензелями, высокие фужеры поднимались с каждым тостом все выше. Пришедшие друзья юности с поздравлениями не спешили, их час еще не пробил. И только после изрядного принятия горячительных напитков, когда гости сами устали от своей чопорности и невозмутимости, гул за столом пошел по нарастающей. В зал впрыгнул пухленький, беленький «зайчик». Сидящие за столом приветствовали зверя взрывом хохота и шутками. «Заяц» исполнил печальную песню о безответной любви к Валерии, а затем стал затягивать на веревке упирающегося «верблюда». «Верблюд» – Игорь упирался по-настоящему. Сдуру согласившись на эту роль, он не предполагал, что веселить придется солидное общество, и теперь упирался что было мочи. «Заяц» – Ольга изо всех сил тянула его за веревку, и ей помогала уж если и не сила, то собственная масса. Так он и появился перед гогочущими зрителями. Делать ничего не оставалось, кроме как войти в роль. Игорь важно запрокидывал голову с петлей на шее и плевался направо и налево. Игорь Аркадьевич Томичев был прекрасен в образе. Ольга нацепила ему огромную коробку, и тот никого к ней не подпускал, склонив колени лишь перед именинницей. Подарок

в огромной коробке искало все семейство Григорьевых, и в азарте Валька чуть не выбросил миниатюрную упаковочку. Валерия открыла крышечку и ахнула. На фоне роскошных, дорогих подарков это изящное колечко с маленьким бриллиантом было эталоном элегантности и утонченного вкуса. Оленька умела выбирать. «Верблюда» и «зайца» тут же заставили выпить за прекрасный подарок, и остальные гости присоединились.

Потом была очередная смена блюд, очередные тосты, дальнейшие возлияния. Сценарий этого дня рождения ничем не отличался от любого другого праздника. Саша быстро уставала на таких застольях. Спиртного она не пила совершенно, поэтому вскоре вместе с мальчишками исчезла в детской, где они тут же поставили новые кассеты.

– Теть Сань, они вас все равно в покое не оставят – отыщут, – усмехнулся Симка, ставя перед ней креманку с шоколадным мороженым.

– Кому я там нужна, Симочка? Люди уже вошли в должную стадию, им и без меня замечательно.

– Ну не скажите! Вон папин коллега Сатаев с вас прямо глаз не спускает, – обнаружил Валька недетскую проницательность.

– Теть Сань, а он ведь холостой, ага, – хитро подключился брат.

– На всех холостых, драгоценные мои, меня одной не хватит, поэтому рекомендую от видика не отвлекаться.

– Напгасно, напгасно, Сатаев недугён, весьма недугён, – закартавил Валька.

– Зря вы, Александра Михайловна, нами, мужиками, бросаетесь, – вступился Симка за свой пол. Он хотел поделиться еще какой-то мудростью, но его прервала шумная компания.

– Шур! Хочу музыки! Но-о-сталь-жи-и-и! – нещадно фальшивил хозяин дома.

Компания расположилась тут же.

– Давай, Андрюха, про тополь! – голосил страдающий но-стальгией Григ.

Андрей перебрал струны пальцами, и гитара запела, и полилась песня, простенькая, немудреная, из далекой юности:

Там, где клен шумит
Над речной волной...

Андрей и Саша пели двухголосьем, выворачивая душу наизнанку. Не проняло только Сатаева:

– А при чем тут тополь? Сказали, про тополь петъ будут!

Симка и Валька переглянулись.

– Нет, объясните, а где здесь про тополь! – Сатаев жаждал справедливости.

– Зря мы его Шуре сватали, – как на глубоко больного смотрел на упрянца Симка.

– Точно, туговат на голову, – согласился Валька, – пусть уже сидит, про тополь ждет.

Сатаев впервые попал в эту компанию, которая собралась около двадцати лет тому назад, а то и больше, в круг друзей, где понимали друг друга с полуслова, и даже если слова были не те. Какая разница – тополь или клен, главное, что песня именно та самая.

По домам разошлись в двенадцатом часу, а бывало, что досиживали и до утра. Но завтра Ольге надо было в «Кратер», копаться в бухгалтерских летописях, Саше необходимо было отпустить туда же Брутича и, следовательно, явиться к Арине, а мужикам выпала доля испытывать сладость солидарности. Идти решили пешком. Лунный свет отражался от снега, морозец был мягкий и незлой.

– Посмотрите, хорошо-то как! Уже и до Нового года ждать недолго.

– Оль, ты у нас зайчихой будешь, посмотри, как тебя публика принимает!

– Вот еще! Я уже напрыгалась, надо вносить разнообразие, – возмущалась Ольга.

– Оля, будешь! Ты была зайцем, а будешь зайчихой, это огромная разница! Время еще позволяет, так что вживайся в образ.

Так, болтая ни о чем, дошли до дома Базилей. Распрощались тепло. Дальше Александру провожал Игорь.

– Ты чего это так поскучнел, отдохнуть устал?

– Я, Саша, думаю.

– Это ты зря, тебе все равно думать нечем, – подкусывала

приятеля Санька.

– А пустой головой думается легче, – не обижался тот, – для мыслей больше места.

– Солнышко мое, Игорек, у тебя всегда только одна мысль, и на фига ей такое пространство, как твоя голова, она и в грецком орехе может уместиться.

– Крушинская, вредная ты баба. Прямо Снежная королева какая-то! Возьми вот меня к себе в Каи. Я тебе за Баксом ходить буду, на выставки его таскать стану, шерстку выщипывать.

– Изувер! Кота не дам! А ты себе молоденьких ищи. Хотя, подожди! Ты же у меня соловьем разливался, все рассказывал, какая у тебя фемина обязанности жены исполняет!

– Это Катька, что ли? Тоже мне – фемина! – фыркнул Игорь. – И никакие обязанности она не исполняет. Я одного понять не могу, зачем молодые девахи к мужикам взрослым липнут? Ведь вроде молоко на губах, как Ленка у Ольги, а прилипнет – не отдерешь!

– А это они твою тягу к семье чувят. Ну, до встречи, уха-жер! – Санька вошла в подъезд и, стуча каблучками, поднялась на свой этаж.

Утром, едва Александра привела себя в надлежащий вид, в дверь позвонили. На пороге стоял Линчук Аркадий Юрьевич.

– Здравствуйте, Александра Михайловна, – его тон был строгим и казенным. – Мне необходимо задать вам несколь-

ко вопросов.

– Хорошо, проходите, только задавайте побыстрее, а то я на работу могу опоздать.

Линчук расположился за столом основательно, похоже, скорая беседа в его планы не входила.

– Скажите, как давно вы знаете семью Захаровых?

– Женя Захаров учится в нашей школе с сентября прошлого года, с тех пор с ним и знакома, знаю, что у него с матерью недавно несчастье случилось. Я, кстати, приходила к вам по этому поводу... Ну, чтобы вы провели расследование на должном уровне, я понимаю, это звучит нелепо.

Под серьезным взглядом серых глаз Саша чувствовала себя неудобно.

– А кого еще вы знали из этой семьи?

– Видите ли, я до четырех часов работаю гувернанткой у девочки, которая живет в этом же подъезде, поэтому приходилось встречаться и с матерью Жени, и с его сестрой, но близкого знакомства не получалось. Ирина Николаевна не одобряла Женино решение учиться вечером, ну и со мной особенно общаться не собиралась. А так... С Таней даже разговаривать не приходилось, правда, наслышана о ней...

Александра послушно старалась как можно полней отвечать на все вопросы, а их у Линчука было немало. Саша искренне считала, что сегодняшний визит ответственного сотрудника – это результат ее похода в милицию и товарищ всерьез работает над делом Захаровой Ирины Николаевны.

Линчук полез в портфель, вытащил фотографию и положил перед Сашей:

– Вы узнаете, кто это?

Александра взяла снимок, и будто кто-то жесткой рукой перекрыл ей дыхание. Под почерневшими кустами, на голой земле лежала, согнувшись, Таня Захарова с темной полосой на шее. Страшное лицо и неестественная поза говорили больше, чем слова.

– Это Таня Захарова, – не слыша самой себя, проговорила Саша.

– Да, она погибла где-то во вторник, вы не могли видеть ее в этот день?

Александра помотала головой:

– Я не видела ее уже... уже, наверное, больше недели. Слышала, что Женя с ней собирался ехать на лечение, деньги собрал, думал, что поможет...

– Видите ли, в чем дело, – Линчук мялся, – в кармане куртки убитой был обнаружен листок из записной книжки... с вашим адресом. Вы не знаете, как он мог попасть к Захаровой?

Саша растерянно смотрела на следователя.

– Хорошо, тогда посмотрите внимательно, это копия. Вам не знаком этот почерк?

Саша пристально вглядывалась в буквы. Никаких особенных петелек, закорючек, четкие, прямые линии, плавные закругления. И все-таки она не могла сказать уверенно, что

видит этот почерк впервые.

– Мне кажется, я видела такие буквы, но точно сказать... Я ведь в школе работаю, там каких только подчерков ни насмотришься... да к тому же здесь написана-то толком только улица, а дальше цифры да сокращения.

– А сама Татьяна могла это написать? – Линчук пытался помочь.

– Не знаю, она не училась у нас, только появлялась. Если только анонимка. Понимаете, мы с ребятами журнал выпускаем, у нас перед входом висит здоровый черный ящик для писем, и все, кто хочет, может написать статью, пожелание, все, что угодно, а мы потом достаем с кружковцами эти письма, ну и... какие печатаем, какие обсуждаем... Так что если в черный ящик, то, может, и писала... А у них дома разве нет чего-нибудь ее рукой написанного?

Линчук неопределенно пожал плечами, потом с надеждой еще раз спросил:

– А сами вы так и не припомните?

– Нет, наверное.

– А вы не собирались с Татьяной встречаться?

– Зачем? Я же вам говорила, что мы с ней практически не общались.

– Хорошо, у нас могут возникнуть новые вопросы, нам, вероятно, придется еще встретиться, вы не собираетесь уезжать?

Аркадий Юрьевич выяснял что-то еще, и, когда наконец

за ним закрылась дверь, Саша взяла сигарету и опустилась на стул. Голова совершенно ничего не соображала. Убитая Таня под черным кустом, ее собственный адрес... Что могло связывать с ней эту незнакомую девчонку? Кто написал этот адрес – сама ли Таня или кто-нибудь другой? А может, тот, кто убил Захарову? Прямо как в сказке – чем дальше, тем страшней. Нет! Она не будет мучиться, а сама сбегает к Женьке и узнает почерк Татьяны, да и проведает парня, ему сейчас не сладко. Так, а сколько времени? Черт! Часы показывали без четверти час. Мысли прервал настойчивый звонок.

Сегодня не дом, а колокольня какая-то.

На пороге стояла яркая милая Оля, а за ее спиной спокойно разглядывал хозяйку Сергей. В руках он держал какие-то пакеты, готовые вот-вот треснуть.

– Привет, больная! Мы от профсоюза, – радостно сообщила Ольга.

– Проходите, – растерянно бормотала Саша, не опомнившись от утреннего визита, она ошарашенно смотрела на необычную пару. – А почему какой-то профсоюз решил, что я больна?

– Да ты на себя в зеркало посмотри! Раздевайся, Сережа. – Саньку всегда удивляла бурная деятельность подруги. Опять эта сваха кинулась устраивать ее личную жизнь. Не на своем месте работает Ольга Васильевна, трудись она в бюро знакомств, семейная неустроенность канула бы в Лету.

– Ты там не в обморок настроилась? Это нынче не модно, да и внешность при падении может пострадать, – кричала подруга из кухни. – Садись вон в уголок, а мы тебя лечить будем. Сережа! Не притрагивайся к Баксу! Это он только притворяется котом, а на руки возьмешь – в лицо кидается, натуральный черт.

– Кот – лицо хозяйки? – отдернув руки от коварно ластившегося кота, поинтересовался Сергей.

Саша разглядывала себя в зеркало. С чего эта шумная женщина решила, что она больна? Немного бледности, синяки под глазами... Хм... Это уже старость, а не болезнь! Еще этого притащила, а он и рад стараться, ведет себя, как барчук на смотринах! Санька, накрутив себя, нервно вошла в кухню.

– О! – вскинулась Ольга. – У тебя что, бешенство? Явная немотивированная агрессия, это уже диагноз, милая моя!

– Еще раз скажешь, что я больна, – еле сдерживаясь, прошипела Санька, – и Сережа увезет тебя в твоих же пакетах!

Сережа... Черт, как-то незаметно вырвалось. Гость сидел, улыбаясь, и никакого барства в нем не проглядывалось.

– А какая же ты? – искренне не понимала подруга. – Ты не болеешь разве? А почему к Аришке не пришла? И не предупредила даже. Сегодня утром Лев Палыч, тебя не дождавшись, схватил дите – и в офис. Прибежал, дочку секретарше Наталье сунул, а сам ко мне. «Езжай, – говорит, – к Александре Михайловне, потому как она, вероятно, болеет.

Спроси, когда прийти соизволит, а то я без нее своей трудовой деятельностью не представляю!» И чтобы быстрее до тебя добраться, даже Сергея не пожалел. А поскольку я тебя знаю неплохо, то решила, что к ребенку ты можешь не прийти только в случае болезни...

– Или смерти, – удрученно подсказала Саша.

– С тобой так серьезно? – Ольга помыла фрукты и теперь раскладывала их на блюдо. Сергей с интересом слушал разговоры, нисколько не ощущая неловкости. Санька принялась расставлять чашки, помогая подруге накрывать на стол. Затем, бросив это дело, вновь сунула в рот сигарету.

– Ой, честное слово, не знаю, насколько это серьезно, только чувствую, что веселого мало. Помнишь, Оль, я рассказывала, что у Жени Захарова мать застрелили?

– Это когда я тебя подвозил, мы еще тогда Аришку не хотели в подъезд заводить, тогда? – неожиданно подключился к разговору Сергей.

– Да, ее тогда хоронили, – развернулась к нему Саша, – так вот, сегодня приходили из милиции, сказали, что во вторник была задушена Таня Захарова, младшая сестра Женьки.

– С ума сойти можно! Живем, как на «Улице разбитых фонарей», убивают на каждом шагу, – раскладывала по тарелкам черемуховый торт Ольга.

– Подожди, – не понял Сергей, – а почему именно тебе сообщили, да еще и на дом пришли?

– Вот в том-то и дело. У этой девочки при осмотре ничего

существенного не нашли, только один листочек из записной книжки. А на этом листочке – мой адрес. – Санька не спеша выпустила дым.

Ольга застыла с куском торта.

– Ну без тебя нигде не обойдется! Да что же это тебя су-ет-то куда попало!

– Ты понимаешь, мы ведь с ней даже знакомы не были. Ну так, я знала, что она Женькина сестра, она знала, что я его учительница, и все! Не могло у нас быть никаких точек пересечения.

– А сам Женя не мог ей твой адрес дать? Попросил, допустим, зайти за чем-нибудь.

– Его перетрясли в первую очередь, да и не будет он меня подставлять, зачем? Но самое интересное, – Саша взвешивала каждое слово, – я знаю этот почерк, но вспомнить не могу. Это точно не Женька.

– А кто? – в голос выдохнули Ольга и Сергей.

– Хороший вопрос. – Санька продолжала рассуждать. – Я вот о чем думаю, значит, убийство Ирины Николаевны не было случайным? Ведь все думали, что ее какой-нибудь невменяемый Татьянин дружок порешил. Девчонка у Захаровых прочно в наркотиках увязла. А получается, что не наркоманы.

– Если уж мать обколовшийся друг застрелил, то почему и Татьяну не может?

– То есть какой-то наркоман от нечего делать решил ис-

требить всю семью, так, что ли? И почему мать он застрелил, а дочь задушил, да еще где-то у черта на куличках?

– Скорее всего, Татьяна эта влипла в какую-то неприятную историю. За это и расплатилась и она, и Ирина Николаевна.

– Может быть, только я-то здесь каким боком?

– Шура, Сергей! Хватит о страстях, милиция не бездействует, видишь, сами прибежали, значит, разберутся, – махнула рукой Ольга.

Санька обхватила руками чашку и, глядя поверх нее, проговорила:

– Нет, Оленька, у меня не получается так просто от этого отмахнуться. Убийца знает мой адрес, знает меня... Я боюсь. Мне страшно.

– Вот дурочка, – подруга вытаращила глаза, – да с чего ты взяла, что убийца шарил по карманам Татьяны? Совсем не обязательно связывать твой адрес и преступление.

– Нет, я чувствую, что связь есть, не такие у нас были отношения с Захаровой, чтобы она мой адрес как талисман при себе носила просто так. Что-то тут связано со мной, а я не знаю и боюсь!

На мгновение повисла тишина. Воспользовавшись заминкой, Бакс легко вспрыгнул на стол, нимало не смущаясь присутствием хозяйки.

– И правильно делаешь, – очнулся Сергей. – С таким котом рот закрыть страшно. Сейчас он с нашего пирога выку-

шает всю сметану. Мне к зверю прикасаться запретили, а сами чего ждете?

Ольга сбросила кота на пол:

– Вот что, давайте есть, а там решим, как быть.

– Выкрутимся, – Сергей, казалось, все сказанное всерьез не принял, только в глазах появились новые жесткие искорки.

Торт был удачным. Элегантно запихивая в себя очередной кусочек, Ольга произнесла:

– Вот что, страдалица, пойдем ночевать к нам. Из четырех комнат выделим тебе одну. Андрей будет рад, Ленка счастлива, там, кстати, кассету со вчерашнего вечера посмотришь, а?

– А завтра я к Лерке пойду проситься, да? Да и потом, Баську-то все равно кормить-поить надо. – Саша с трудом оторвала то пола тяжеленного кота, которого гость прикормил-таки сметанным куском.

– Баська – это аргумент. Ну тогда я заночую у тебя, а завтра...

– Я! – шутливо подключился Сергей.

– А завтра что-нибудь придумаем, я хотела сказать, но уж если вы настаиваете...

– Смешно вам, – вздохнула Санька, – а как твои домашние к этому отнесутся?

– Сейчас который час? – Ольга посмотрела на часы. – Около четырех... Вот что, сейчас я домой сбегая, а часикам к

семи подскочу. А вы бы к Брутичу съездили, все-таки волнуется мужик. Скажи, что ты еще жива, какое-то время, – хихикнув, подруга выскочила в коридор, быстро оделась и унеслась к своим домочадцам, захлопнув дверь.

Сергей сидел возле разоренного стола, насмешливо смотрел на удрученную Сашу, а у него на руках, бесстыдно развалившись и подставив серебристое брюхо, мурлыкал предатель-экзот.

– Сергей, сбрось этого негодяя, надо съездить к Брутичу.

– Сань, ты действительно торопишься?

– Действительно, я еще к Женьке хочу забежать.

– Хочешь, я сам займусь твоими проблемами? – голос

Сергея был тихим, глуховатым, взгляд... Сашу волновал этот взгляд, она боялась власти этих серых глаз, боялась этой откровенности. Чего-то подобного ей страшно хотелось, но все должно было быть не так... Как-то по-другому, не так стремительно, что ли. А то что же получается, Ольга ей, как корове, привела быка-осеменителя, а Санька должна тут же распластаться, дабы не упустить драгоценных мгновений, потому как осеменителя ждут законные жена и дети. Причем такие мелочи, как чье-то убийство, в расчет принимать никто не собирается! Сашка взяла сигарету и, справившись с собой, спокойно отказалась:

– Нет, Сергей, у тебя и своих проблем достаточно, с чего ради тебе мои решать.

Он решительно поднялся и направился за дубленкой.

– Ольга Васильевна просила к Брутичу тебя добросить, ты едешь?

«А если бы Ольга Васильевна не просила, сам бы не добросил?»

– Спасибо, я сама доберусь.

– Как знаешь, – он быстро оделся и легко сбежал по ступенькам.

«Вот дура-то! Чего еще надо? Такой мужик в кои-то веки рядом оказался, а ты!»

Перекостерив себя на десять рядов за занудство и в сотый раз пожаловавшись Баксу на судьбу-злодейку, Санька стала одеваться, чтобы отправиться к Брутичу.

Сначала она зашла к Захаровым, Саша просто не смогла пройти мимо скромной коричневой двери. Женька был дома, открыл хмурый, похудевший.

У Саши подступил ком к горлу. Она не знала Татьяну, но не могла видеть, когда у человека горе. У Женьки большое горе, а помочь ему она не могла.

– Здравствуй, Женя. Я к тебе,пустишь?

Он молча отошел в комнату, Александра прошла за ним. На серванте стояла фотография с черной лентой. На ней совсем молоденькая Танюша смеялась, наклонив голову к плечу матери, Ирина Николаевна обнимала дочь и улыбалась светло и счастливо. Саша не знала их такими, видимо, так они жили раньше. Наркоманка Таня была еще послушной ученицей, любимицей родителей и брата, а вечно ворчливая,

суровая Ирина Николаевна – молодой, цветущей женщиной. «Здесь она меня всего года на два-три постарше». Саша не могла оторваться от траурного портрета.

– Садитесь, Александра Михайловна, – Женька смотрел на нее спокойно и серьезно.

– Когда похороны?

– Вчера, я Таню вчера похоронил.

– Ты один похоронил? А как же... это ведь такие деньги сейчас... и успеть все надо... – Саша в свои тридцать шесть ни разу не сталкивалась с подобным горем, ее не коснулись печальные хлопоты, и ей было страшно представить, что двадцатилетний парень справился с этим практически в одиночку.

– Так я же Танюхе... Тане на лечение собирал. Да и не один я был, ребята с работы помогли. Из наших девчонки здесь хозяйничали, Севка Ильченко в последний момент узнал, прибежал, Вовка вообще помог здорово. – Женька помолчал, потом грустно добавил: – Я ведь и сам узнал только в четверг, а в пятницу похоронил.

Саше стало жарко от стыда. Это вчера, когда они сидели за праздничным столом, когда смеялись над дурацкими шутками.

– Женя, у Тани нашли листок в кармане с моим адресом. Ты не посылал ее ко мне?

– Нет, меня об этом спрашивали, приходили из милиции. Но я не давал Тане вашего адреса, и писала не она, у нее

почерк другой.

Саша ошарашенно смотрела на парня. Ей почему-то ду-малось, что, придя к нему, она обретет ясность. Теперь же в голове была только одна мысль: «Откуда?», и отбросить ее не было сил.

– Жень, я не знаю, что делать, я боюсь. – Взрослая женщина испуганно смотрела на молодого парня. – Я не долж-на тебе этого говорить, вернее, я должна тебе сказать что-то другое... Ну поддержать как-то, я ведь понимаю, тебе сейчас невозможно тяжело... Но, черт возьми... этот адрес... Я...

– Успокойтесь, Александра Михайловна, – он близко по-дошел к ней и крепко прижал к себе. Рядом с ним Саша почувствовала себя спокойнее, ей подумалось, что, может быть, и правда нечего бояться, что это скорее всего нервы и выглядит она сейчас далеко не учителем и наставником, а скорее наоборот. Саша, шмыгая носом, отстранилась, доста-ла из сумки платочек, и всепонимающий Женька протянул ей зеркальце.

– Успокоились? Ну вот, а чтобы вам веселее было дома, возьмите к себе Дашу Литвинову с Кирюшкой, мальчишка хороший, послушный, вам с ними не тяжело будет, да и им полегче.

– А если я на них наведу... преступников.

– Преступники интересуются не вами, а почему-то все больше нами – Захаровыми. Так что сильно не бойтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.